

АЛЕКСАНДР СТАРШИНОВ

ИСТОРИЧЕСКАЯ ФАНТАСТИКА

Смерть императора

Легионер

Александр Старшинов

Смерть императора

«Автор»

2014

Старшинов А.

Смерть императора / А. Старшинов — «Автор»,
2014 — (Легионер)

ISBN 978-5-17-084140-0

Второй век нашей эры. Из разрушенной землетрясением Антиохии император Траян отправляется в свой последний поход – покорять Парфянское царство, старого врага непобедимого Рима. Тем временем военный трибун Гай Осторий Приск при раскопках разрушенного здания в Антиохии находит в подвале склад оружия. Нет сомнения – пока император Траян пытается взять столицу Парфии, за его спиной готовится восстание против римлян. А подавлять бунт, заливая кровью его корни, придется наместнику Антиохии Андриану. И ветеранам-легионерам Пятого Македонского из «Славного контуберния» – Гаю Приску и его друзьям...

ISBN 978-5-17-084140-0

© Старшинов А., 2014

© Автор, 2014

Содержание

Книга I	5
Часть I	5
Глава I	5
Глава II	20
Глава III	24
Глава IV	28
Часть II	34
Глава I	34
Глава II	39
Конец ознакомительного фрагмента.	48

Александр Старшинов

Смерть императора

Историческая фантастика

Книга I

На Ктесифон!

Часть I

Антиохийская весна

Глава I

Антиохия в руинах

Январь – февраль 869 года от основания Рима¹

Есть вещи, которые понимаешь не сразу, – уже потерял, но сердце не в силах принять потерю. Живешь как жил – не сознавая, что от прежнего ничего не осталось. Просто движешься, пробавляешься старыми привычками, старыми чувствами, старыми надеждами. А ведь еще не стар и полон сил. Тогда почему?...

Всего несколько лет назад... двадцать точнее... неужели двадцать? Да, точно, двадцать лет назад он, Гай Осторий Приск, римский гражданин, беглец, сын врага народа, подошел к воротам лагеря Пятого Македонского, чтобы поступить в легион. Подошел вместе с такими же парнями, как и он сам, – чтобы встать под значки римского легиона. И вот спустя двадцать лет, после двух дакийских войн и одной парфянской, он здесь, в римской провинции Сирия, в чине военного трибуна сидит на террасе виллы механика Филона и смотрит на лежащий внизу в руинах город – как будто его взяли штурмом варвары и уничтожили до основания. На самом деле рухнули все эти дома и храмы, термы и базилики, арки, статуи и колонны по воле разгневанной Геи. В декабре прошлого года землетрясение стерло многие города Сирии с лица земли, и Антиохия была в их числе.

Сейчас, вечером, глядя на разрушенную Антиохию с одной из террас Филоновой виллы, Приск наконец осознал, что вся его жизнь теперь точно так же лежит в руинах. Осколки прекрасного, только осколки... Нагромождение рухнувших колонн и фризов. А под разбитым мрамором – тлен. Издалека не чувствуешь смрада, но стоит приблизиться, как от тошнотворного запаха идет кругом голова и комок подступает к горлу. Запах гниения – он преследовал его теперь повсюду, даже здесь, на вилле, вдали от разрушенного города. Отныне это был запах его жизни. Многие уже с ним свыклись и даже не замечали, Приск не раз видел, как какой-нибудь солдат жует хлеб и запивает его вином, сидя рядом с завернутым в рванину полуразжившимся трупом.

Военный трибун Приск тоже когда-нибудь свыкнется с утратами. Возможно – уже совсем скоро. Он даже не знал – страдает ли сейчас. Просто все изменилось – и он постепенно осознавал это, проникался этим, как будто погружался на дно илистого холодного пруда. Совсем

¹ 116 год н. э.

недавно жизнь его была успешна, а он – счастлив. Кровавые войны в Дакии остались позади, он вернул себе место в сословии всадников², отчий дом в Риме, женился на любимой женщине, она родила ему двух замечательных детишек – дочь Корнелию и сына Гая... Кори в этом году уже одиннадцать³ – невеста. А Гаю... было бы пять. А потом Приск сунулся в эту авантюру с завещанием императора Траяна. Глупец Фламма похитил свиток из библиотеки, а Приск привез его сюда, в Антиохию, чтобы передать в руки наместника Адриана. Они все – Гай, как и его друзья, – рассчитывали на награду наместника. На большую награду, ради которой многим стоило рискнуть, даже жизнью. Стоит уточнить – собственной жизнью.

Но что в итоге?

Да, его друзья, верные контуберналы⁴, которые стали ему роднее кровной родни, были по-прежнему с ним. Тиресий, ныне центурион фрументариев⁵, фабр⁶ Малыш, преторианец Кука, библиотекарь Фламма... Из давних, с кем начинал он службу, только Молчун исчез, и вестей о нем не приходило никаких. Погиб? Скорее всего... Друзья дали клятву, что установят Молчуну кенотаф – там, где они встретились и служили – подле Эска, их прежнего лагеря. Впрочем, там и не лагерь теперь, а настоящий город. Так говорят.

Да, друзей Приск сохранил, но потерял сына и младшего брата. Жена и дочь находились сейчас в руках Афрания Декстра – то ли как заложники, то ли под охраной его людей. Скорее все же заложники, так что и Приск теперь обязан безропотно выполнять любое самое опасное поручение Адриана. Рим обожал брать заложников. Побеждая, римляне требовали у покоренных народов их юных царевичей, чтобы воспитать в своих обычаях и внушить любовь к победителям. И воспитывали. И внушали. Отныне – до смерти императора Траяна и до того мгновения, как Адриан станет императором, – он, Гай Осторий Приск, заложник претендента, хранитель его опасной тайны, оружие его честолюбивых замыслов. Он должен воплотить их или погибнуть – иного не дано.

Но станет ли Гай свободным, когда Сенат провозгласит императором Адриана, когда легионы на Востоке и Западе своими криками на сходках утвердят решение давно уже безвольного и бессильного Сената? На этот вопрос Гай не знал ответа. Да и жаждет ли он этой свободы? Или готов быть вечным клиентом могущественного патрона? Да? Или нет? Нет ответа. По крайней мере было бы глупо порывать все связи именно в тот момент, когда вслед за опасными трудами появится возможность получить награду за преданную службу. Но Адриан всегда был так переменчив в настроениях, так вспыльчив и подозрителен, что награда могла оказаться совсем не такой, на которую рассчитывал Приск и о какой мечтали его друзья.

Военный трибун знал другое – прежний хмельной азарт, жажда драки и победы, ощущение веселья от предстоящей схватки – все это сменилось мрачной злостью. Что придет на смену злости – он не ведал. Декабрьское землетрясение, разрушившее не только Антиохию, но и множество городов в провинции Сирия, изменило и переломало многие судьбы. Сам Траян едва не погиб. Несколько дней император вместе с Адрианом и своими приближенными, а также с теми, кто спасся из разрушенного дворца наместника, переживал все новые и новые толчки, что сотрясали землю, на гипподроме.

Для тысяч и тысяч людей этот мир уже никогда не будет прежним. Приск ощущал с этими несчастными душевное родство – с теми, кого он видел на улицах изувеченной столицы Сирии.

² *Всадники* – второе после сенаторского сословие в Древнем Риме.

³ На самом деле римлянин бы сказал 12, но счет годов в тексте современный, дабы не путать читателя.

⁴ *Контуберналы* – легионеры, которые служили в одном подразделении, контубернии. Контуберний – отряд из 8 человек. Именно столько обычно помещалось в одной палатке.

⁵ *Фрументарий* – снабженец хлебом, начиная со времен Траяна – одновременно и тайный агент, разведчик. По роду своей службы фрументарии имели контакты с местными торговцами, от которых зачастую и узнавали важные сведения.

⁶ *Фабр* – ремесленник. Солдат, который занимался обслуживанием «артиллерии» и инженерными работами.

Прежде освещенная по ночам огнями, сейчас Антиохия после заката оставалась темной и как будто безжизненной. Если смотреть с высоты склона горы Силпий – где располагалась вила механика Филона, – город казался темным пятном, брошенной к подножию горы разтерзанной жертвой – лишь иногда мелькали огоньки факелов внизу или где-то на задворках разгорался костер. Судя по всему, нарушая закон, кто-то в черте померия тайком кремировал трупы – ветки да деревянные обломки от домов и мебели валялись повсюду.

Те *вексилляции*⁷ легионов, что пришли вместе с императором на зиму в Антиохию, теперь все ночи напролет жгли огромные факелы у стен своих лагерей – как будто находились на вражеской территории. Большая часть армии осталась у Нисибиса и в крепостях на берегах Евфрата – готовить грядущий поход. С собой в Сирию император взял только те части, которые собирался тренировать лично для штурма парфянской столицы, неприступного Ктесифона...

Но теперь у этих *вексилляций* были совсем другие задачи.

* * *

По приказу легата Приску выделили две *центурии* из Шестого легиона, и каждое утро военный трибун выходил с ними в город – разбирать развалины, вывозить на повозках расколотый мрамор и треснувшие балки, сломанные пальмы и сломанные оконные решетки, груды хлама – все, что осталось от роскошной золотой Антиохии. Первейшей задачей стояло – расчистить дороги, чтобы обеспечить подвоз в город продуктов, леса, камня – всего необходимого, и потом уже можно будет поднимать столицу Сирии из руин. Солдаты трудились от восхода до заката, делая два перерыва на приготовление еды и недолгий отдых. Приск отдавал приказы, но зачастую, сбросив неудобный и тяжелый панцирь и оставшись лишь в одной кожаной лорике, разбирал завалы вместе со своими подчиненными. Труд отвлекал от тягостных мыслей. В такие мгновения можно не думать. Или почти не думать.

Даже уцелевшие здания выглядели ужасно – с крыш храмов обрушились статуи, многие стены пошли трещинами, лопнули трубы водопровода. В городе, который прежде именовали городом фонтанов, трудно было найти чистую воду. Да и приближаться к зданиям стало опасно – того и гляди сверху обрушится какой-нибудь кусок мраморного фриза или накренившаяся и пока чудом устоявшая статуя.

Уже было известно, что весной император выступит в поход, посему легионеры должны были успеть сделать все, чтобы город начал свое возрождение, прежде чем Траян отправится окончательно покорять Парфию. Многие легионеры ждали этого похода, считали дни – всё лучше плыть по реке или шагать по берегу Евфрата, чем искать трупы среди развалин когда-то блестящего города. Как ни странно, особенно сильно мечтал уехать из Антиохии Сабазий. Раб Приска чуть ли не каждое утро спрашивал: и когда же император выступит в поход? Как будто у него было какое-то особое поручение. И рабу не терпелось его исполнить.

– Не сегодня... – обычно отвечал трибун.

Раб вздыхал, кусал губы.

– По пустыне лучше идти ранней весной. Выступить надо сейчас. Ты можешь сказать это императору?

– Ты мне указываешь? – хмурился Приск.

– Я – хаммар, проводник, я знаю пустыню. И знаю, как легко она убивает.

На этот довод трудно было возразить. Но не оправдываться же перед слугой: уже доложено, уже передано, но император пока медлит.

⁷ *Вексилляция* – отряд, выделяемый из состава легиона или тысячной когорты.

После возвращения из плена Приск пообещал Сабазию свободу, и даже вознамерился ее дать. Но тот отказался – причем дважды. А в третий раз трибун не стал предлагать. Хочет быть рабом – пусть будет.

* * *

Самым мерзким при разборе завалов было находить куски обезображенной плоти – несмотря на зимнее время года (да и какая, скажите уж честно, зима в Антиохии?) трупы все равно успели разложиться – плоть отслаивалась и отпадала кусками с костей, и зачастую легионерам приходилось сгребать ее деревянными лопатами. Как ни привычны солдаты к смерти, у многих подобные картины вызывали тошноту. Трупы увозили в мешках, из которых на камни дороги капала вонючая жидкость. Их сжигали за городом – каждый день.

Легионеры заматывали лица тряпками, пропитанными уксусом, чтобы хоть немного заглушить мерзкую вонь, идущую от развалин. Вторым занятием – по степени неприятности для военного трибуна Приска – было следить, чтобы солдаты не мародерствовали. Все найденные ценности надлежало складывать в корзину. Сбоку приделывали полоску пергамента с названием дома. Если владелец или наследник объявится – счастливым возвратят их добро. Если нет – все ценное поступит в казну – серебро и золото продадут, а деньги пустят на восстановление города. Приск уже не раз ловил то одного, то другого легионера за попытками спрятать в кошелек или прямо под тунуку найденные кольца или монеты. Отбирал, грозил поркой при вторичном проступке. Двое попались по второму разу. Выпорол лично. Безжалостно.

Один раз на краже попался Сабазий. Приск видел, как его раб что-то выхватил из шкапулки и спрятал за пояс. Но когда Приск потребовал вернуть украденное, раб уперся и стал отрицать, что своровал вещицу. Сабазия обыскали, но ничего не нашли. Трибун подозревал, что парень проглотил ворованное, и посему выпорол непокорного. Но и после порки тот стоял на своем: хозяйину померещилась кража – в пыльном воздухе, когда глаза слезятся, легко ошибиться.

Приск был уверен, что не обманулся, но все же ограничился десятью ударами. В конце концов, этот раб был всегда ему предан и однажды спас жизнь своему господину...

Тот, кстати, как будто и не заметил плетей. По-прежнему таскался собачонкой по пятам за хозяином. Порой Сабазий не обращал внимания на найденных мертвецов, в другой раз ему становилось худо, тогда он забивался куда-нибудь в угол и там сидел, поднося к носу тряпку с уксусом и отхлебывая из фляги неразбавленное вино. В такие часы от него не было никакого проку. Наказывать его тоже не имело смысла – не всем дано выдержать подобное.

* * *

– Трибун, глянь сюда... – позвал Приска один из легионеров.

Дело было уже после полудня, и легионеры предвкушали перерыв на еду и отдых.

Парень, что обратился к трибуну, выделялся среди прочих особой уверенностью в себе, даже, пожалуй, наглостью. Наверняка центурион обломал о его спину не одну розгу. Кто он по крови, Приск не мог понять – говорил парень с восточным акцентом, для него наверняка койне⁸ привычнее, нежели латынь, но для уроженца восточных провинций был он слишком светлож, к тому же голубоглаз. Звали его Канес, и родился он в лагере – то есть был скорее всего бастардом, сыном легионера, так что его жизнь изначально была предназначена армии и войне. Но эта предопределенность, казалось, нимало не отложила на парне своего отпечатка –

⁸ Разговорный греческий, в каждой провинции, даже у каждого города могло быть свое наречие.

он жил так, как будто сам выбрал свой путь, и все, о чем мечтал с детства, – служить и воевать. Возможно, так и было – просто потому, что иной жизни парень себе не мыслил.

Приск подошел, поначалу решив, что легионер натолкнулся на драгоценности, – в соседнем доме отыскивали покореженный серебряный сервиз, разбитую нефритовую шкатулку с кольцами и браслетами и денежный сундук – доверху набитый векселями, золотом и украшениями. Квартал был богатый. Сверху лежал туго набитый кошелек – так и просился в руки.

Но что десяток золотых ауреев⁹ человеку, который обнаружил на дне реки в горах Дакии несметные сокровища Децебала? При воспоминании о том золоте трибуна порой охватывала досада – Траян оплатил казной дакийского царя игры, что длились 123 дня, а Приску едва хватило, чтобы переехать в Рим и купить мозаичную мастерскую. Хотя, с другой стороны – войну выиграл Траян для Сената и народа Рима. И если народ Рима занят тем, что днями просиживает в амфитеатре Тита или в Большом цирке, то император поступил так, как хотелось его народу. Сидеть днями, составляя из цветных камешков замысловатый узор, – не каждый мечтает о подобной доле.

Легионер подвел командира к фундаменту разрушенного здания и указал на узкую горизонтальную щель. Похоже, здесь было окошко подвала.

– И что? – спросил трибун, недоумевая.

Легионер просунул в щель факел и бросил на пол. Теперь помещение смутно осветилось. Приск наклонился и разглядел, что внутри сложено оружие – мечи, щиты, копья, все это было расставлено вдоль стен или сгружено в открытые сундуки... и похоже, почти совсем не пострадало во время землетрясения. Разве что все присыпало толстым слоем известковой пыли.

– Клянусь Немезидой, этим можно вооружить центурию, не меньше, – пробормотал Канес.

Любому мало-мальски понимающему в государственных делах человеку понятно, что оружие в подвал городского дома могут сносить с одной-единственной целью – вооружить восставших или разбойников, – если, конечно, это не дом оружейника. Но разрушенный дворец на лавку оружейника никак не походил. Как и на логово ночного грабителя.

– Канес, зови солдат, расширить вход, – отдал команду Приск.

Потом, несколько мгновений подумав, достал из сумки таблички и написал записку Афранию Декстру. Обычно обо всех важных находках полагалось докладывать Ликорме – всемогущий вольноотпущенник императора следил, чтобы все ценности поступали к нему – дабы потом невостребованное переправить в казну. Но о подобной находке следовало предупредить прежде всего центуриона фрументариев Афрания. Запечатав таблички, трибун отправил одного из своих людей с донесением.

Легионеры тем временем работали споро – вскоре вход был расширен настолько, что человек мог протиснуться внутрь без труда. Приск выставил четверых в охрану и спустился вместе с Канесом вниз.

Несмотря на то что прочный подвал полностью уцелел, пыль разъедала глаза и забивала рот – не помогали тряпки, намоченные водой с уксусом. Склад оружия оказался даже больше, чем предполагалось, – в щель они разглядели лишь одно хранилище. А здесь их оказалось несколько. Правда, дверь в соседнюю комнату заклинило, но Приск не сомневался, что там тоже хранятся копья и мечи. Первым делом трибун распорядился подпереть потолок и балки подвала бревнами и только после этого приказал выломать дверь в соседнее помещение.

Дверь заклинило намертво, так что ломали ее легионеры яростно с четверть часа. Наконец выломали, и Приск с Канесом вошли. Здесь расставлены были не только сундуки (в них оказалось оружие), но хранились амфоры с темным густым веществом, а посередине высился

⁹ *Аурей* – золотая монета.

обитый бронзовыми пластинами ларь. Тяжеленный наверняка, да еще и к полу прикован. Взломать его не представилось труда.

Содержимое сундука было прикрыто полотнищем тонко выделанной кожи. Канес невольно облизнулся, предвкушая, что под покровом сложены золотые и серебряные монеты, сокровища...

Но в сундуке лежали футляры для свитков.

Канес не удержался и запустил внутрь руку.

На лице его тут же отразилось разочарование: в сундуке, кроме папирусов в футлярах, похоже, ничего не было.

Приск открыл один из футляров, достал свиток, развернул...

И покачал головой – перед ним был текст, написанный на незнакомом языке. Не латынь и не греческий...

– Кто-то готовил восстание? – Афраний, как всегда, возник за спиной бесшумно.

Быстро же он! Скорее всего, посланец Приска повстречал центуриона фрументариев в городе, не достигнув гипподрома, где теперь находился преторий императора и где в палатках жили Траян и его свита. В центре города ни один дом не считался надежным, а переселяться на виллу в пригороде Антиохии император не пожелал. Сам Приск тоже провел несколько дней на гипподроме – пока не затихли подземные толчки.

Вместо ответа военный трибун повел рукой вдоль стен, демонстрируя склад с оружием. Во второй комнате были сложены не только клинки, щиты и копья, но и шлемы, и полотняные панцири.

– Большое восстание, – уточнил Приск.

Два фрументария, пришедшие вместе со своим центурионом, принялись перегружать футляры со свитками из сундука в кожаные сумки – с такими обычно путешествуют почтари.

– Чей это дом? – спросил Афраний.

– Понятия не имею. В списке, который мы получили от декуриона, почему-то не указан хозяин. Я отправил человека к смотрителю вод – у него должен быть перечень всех, получивших право провести воду в дом, но пока ответа не получил.

Канес тем временем вместе с товарищами расчистил лестницу, ведущую наверх – в атрий. Здесь сохранились стены, хотя часть помещения была завалена рухнувшими сверху камнями и балками. По мозаичному полу бежала вода из свинцовой трубы разбитого водопровода.

– А вот и хозяин нашелся, – самодовольно хмыкнул Афраний, подходя к стене. На фреске был изображен дородный смуглый мужчина с коротко остриженными темными вьющимися волосами и темной бородкой. Рядом с мужчиной художник изобразил женщину ослепительной красоты с тончайшей сеткой из золота и жемчуга в волосах.

– Судя по всему, господин не из бедных... – заметил Приск.

– Знаешь, не надо быть Аристотелем, чтобы это понять, – отозвался Афраний.

Приск на миг закрыл глаза. Он где-то видел эти лица... Да, почти наверняка. Встречал на улицах – ведь он немало времени провел в Антиохии до землетрясения... Нет, не просто встречал – видел совсем недавно. Именно эту женщину... Это лицо – тонкий нос с горбинкой, миндалевидные глаза, вьющиеся роскошные темные кудри. Это лицо где-то мелькнуло день или два назад. Да, точно. Она стояла у фонтана, где набирают воду по утрам, там еще рядом сохранился большой гимнасий – на его площадке люди спят прямо под открытым небом. Именно там Приск заметил эту женщину. И хотя выглядела она не так блестяще, как здесь, на портрете, все же сумела привести себя в порядок – отмыть от грязи лицо, причесать и уложить волосы, и даже постирать одежду. Он еще обратил внимание, что, в отличие от многих, полностью опустивших руки под ударами Судьбы, эта красавица следит за собой. Под портретами были надписи на греческом – хозяина звали Александром, женщину – Береникой. Судя

по чертам лица и по именам – эта пара принадлежала к иудейской диаспоре, и, несомненно, к эллинизированной ее части.

Тем временем прибежал вольноотпущенник из службы вигилов¹⁰.

– Владельца дома зовут Тиберий Юлий Александр, – сообщил он, подтверждая догадку. – Имел право на воду...

– Ну насчет воды я и так вижу, – уточнил Приск.

– Жив он? – спросил Афраний.

– Ни в живых, ни в мертвых не числится...

– Все вещи из этого дома за исключением обломков собрать и отвезти на виллу механика Филона, – приказал Афраний. – Ценности. Письма. Оружие. Всё! Пусть механик выделит для них отдельный покой и ничего не трогает до моего прихода.

Приск подозвал центуриона.

– Где-то там, – указал на рухнувшие балки и мраморные колонны, – должен быть денежный сундук хозяина. – Найти и доставить на виллу Филона – под твою ответственность. Что внутри – не смотреть, крышку – не открывать.

Вообще-то по заведенному правилу Приск должен был приказать доставить сундук Ликорме. Но слова Афрания прозвучали недвусмысленно – все вещи. А значит – и денежный сундук хозяина.

* * *

Когда Афраний ушел, Приск оставил одного из центурионов присматривать за работами, а сам направился к фонтану с дельфинами. Хотел крикнуть с собой Сабазия, но раб куда-то исчез.

– Ищешь своего парня? – хмыкнул Канес. – Совсем плох стал – побежал блевать – я слышал, как его за стеной выворачивало.

Приск заглянул в перистиль. Тот был почти весь завален обломками, и Сабазия не было видно – то ли раб сбежал, то ли спрятался среди развалин. Верно, в самом деле сделалось плохо. Многие в эти дни болели – водопровод разрушился, и одним богам известно, что за вода теперь была в колодцах.

Дорогу к фонтану с дельфинами уже расчистили, к тому же разобрали руины ближайшего дома, так что возле фонтана неожиданно образовалась большая площадь.

От одного из зданий осталась только стена, но кладка держалась твердо. Стену подперли бревнами, оштукатурили, побелили. На скамейках подле выставили горшочки с краской, горкой сложили палочки угля – каждый мог оставить здесь надпись. Раньше призывали голосовать за Гая или Марка на выборах или оставляли признания в любви или шуточные и дерзкие эпиграммы, в том числе и на очередного наместника. Теперь же писали все одно и то же: «Гай Лелий, живущий в доме с тремя кольцами, ищет домну Семпронию...», «Терция, дочь Марка Манья, ищет брата своего Марка...», «Каждый, кто видел Тиберия Муция, пусть оставит в правом углу свою надпись»...

Каждый день Приск приходил сюда и читал эти полные боли послания, что лепились все плотнее и к исходу нундин¹¹ обычно покрывали все пространство стены. Тогда один из государственных рабов копировал все записи в восковые таблички, стену заново штукатурили и белили, чтобы на следующее утро на ней, еще влажной, появились новые вопли о помощи, призывы найти тех, кто, скорее всего, погребен под развалинами, краткие эпитафии, злые эпиграммы...

¹⁰ *Вигилы* – городская стража, пожарные.

¹¹ *Нундины* – римская неделя из 8 дней.

Трибун искал здесь Аррию. Несчастливая невеста его брата по крови Марка исчезла во время землетрясения. Марк перед смертью шептал, что видит ее и идет к ней, так что человек суеверный мог бы решить, что Аррия тоже умерла. Но Приск за годы кровавых дакийских войн часто видел умирающих от лихорадки. Когда страшный жар сжигает тело, перед глазами проносятся видения самые невероятные – люди зовут умерших, разговаривают с ними, прощаются с любимыми, которых нет рядом, признаются в содеянных злодеяниях. Юному Марку не в чем было признаваться. Только в любви. Но если Аррия жива – а она могла быть жива, ибо Марк спасал ее, вместо того чтобы спасаться самому, то она непременно придет сюда, на эту площадь и оставит запись.

Каждое утро к фонтану с дельфинами по приказу наместника Сирии Адриана привозили свежее испеченный хлеб, кувшины с маслом, круги сыра. Еду раздавали тем, кто лишился имущества и крова. Однако ловкачи из вполне обеспеченных, пользуясь тем, что продовольствие раздают без тессер¹² и списков, старались урвать бесплатную долю. Во время раздач здесь была такая толчея, что найти кого-нибудь представлялось невозможным. Получив свою долю, счастливицы, у кого в городе сохранилась какая-то нора или кого приютили знакомые, уходили, и на площади оставались только те несчастные, кому идти в самом деле было некуда.

Если Аррия спаслась, она должна была оставаться на площади... Если, конечно, ей не пришлось в голову тащиться пешком в свое поместье, но Приск надеялся, что до такой глупости она не додумалась. Как всегда во времена несчастий, на дорогах устраивали засады проходимцы, любители легкой наживы. Они хватали одиноких детей и женщин, чтобы спрятать в какой-нибудь лачуге, а потом скопом продать по дешевке нечистому на руку торговцу. Так было во время проскрипций Суллы – малолетние дети казненных, от которых порой отказывались собственные матери, бежали из Рима, чтобы попасть в лапы работоторговцев.

Несмотря на то что утренняя раздача хлеба давно закончилась, сейчас на площади было полно народу – в пострадавшем городе каждому требовалась вода – пить, стирать, мыться. Здесь же подле стены обосновались несколько торговцев – продавали вино, сыр, чернослив... в одной из уцелевших пекарен выкладывали на прилавки новую партию горячего ароматного хлеба – удивительно, как быстро возвращалась жизнь в искалеченный город. У кого имелись при себе деньги, могли купить свежий вкусный хлеб. Вигилы следили, чтобы торговцы не заламывали цену. Но все равно хлеб стоил куда дороже, чем до землетрясения.

* * *

Первым делом трибун проверил записи на стене, отыскивая знакомое имя. Но опять ничего не нашел.

Он прошелся до пекарни, оглядел покупателей.

Сегодня он искал не только Аррию, но и Беренику. Безрезультатно. Как ни вглядывался Гай Приск в лица, нигде не мелькал профиль женщины с фрески. Какие-то тетки спорили из-за разбитого кувшина, плакали дети, старик спал прямо на мостовой, завернувшись в солому. Проснется он, впрочем, без своего укрытия – солому аккуратно сжевывал груженный мешками ослик. Приск рассекал наискось пеструю толпу, стараясь не пропустить ни одного лица. Внезапно он понял, что кто-то движется точно так же – от стены вглубь, бесцеремонно расталкивая людей (Приску дорогу уступали, едва завидев его доспехи трибуна, хоть и полускрытые пыльным серым плащом). Идущий впереди кого-то высматривал в толчее и – судя по всему – пока не находил. Стой стороны, где он двигался, долетали возмущенные крики, ругань, визг, толпа шевелилась, волновалась, кипела. Наконец Приск увидел наглеца. Человек был высок,

¹² *Тессера* – жетон на выдачу подарка или на бесплатную раздачу продовольствия. Чтобы бесплатно получать хлеб и другие продукты, надо было быть внесенным в список на раздачу.

широкоплеч, смугл от природы, обрит наголо. На шее его поблескивал бронзовый ошейник. Раб. Скорее всего, хозяин не доверяет ему, раз надел это кольцо с надписью.

Оказавшись ближе, трибун заметил, что раб, пробираясь в толпе, то и дело щупает у какой-нибудь одинокой девчонки грудь, порой лапает за бедро. После чего отталкивает, да так, что между нею и рабом оказывается человека два-три, – и топает дальше.

Еще не зная, зачем он это делает, трибун стал пробираться ближе к наглецу.

Внезапно тот остановился, рядом со здоровяком оказался какой-то сутулый тип в длинном грязном хитоне (Приск разглядел шапку спутанных давно не мытых волос, темную курчавую бороду), бродяга что-то сунул в руку рабу, что-то получил от здоровяка, и в следующий миг они разошлись. Раб равнодушно покрутил головой – встреча состоялась – и стал пробираться назад – уже никого не высматривая и ни на кого не обращая внимания. Приск тоже повернулся и зашагал к стене, чтобы еще раз внимательно взглянуть на надписи, – но тут раб бесцеремонно оттолкнул его, собираясь следовать дальше. В следующий миг наглец получил по ногам и покатился по земле. Вообще, за такое полагалось бить не только раба – бывали случаи, когда за неучтивость невольника расплачивался господин, схлопотав от оскорбленного по физиономии. Но тут раб был явно без присмотра – так что учить придется непосредственно двуногую скотину. И учить на месте. Мгновенно вылетела из ножен спата и ловко уперлась под подбородок наглецу. Тот было рванулся встать, но успел подняться лишь на колени, когда ощутил кожей холодный металл, заметил сверкнувший под грязным серым плащом анатомический нагрудник военного трибуна и притих.

– Эй, что тут происходит? – подскочил к ним молоденький вигил, только что разнимавший поссорившихся торговцев.

– Я – Гай Осторий Приск, военный трибун Шестого легиона. Занимаюсь восстановлением города. Этот раб толкнул меня...

– А меня за грудь лапал! – вдруг подросла какая-то женщина в грязной stole¹³, закутанная вместо паллы¹⁴ в серый толстый плащ, очень похожий на тот, что носил Прииск, такие плащи раздавали лишившимся крова – в нем было тепло днем и можно было спать ночью. – А я, между прочим, вдова римского гражданина. – Иона вlepила здоровяку пощечину.

Матроне можно было дать лет двадцать пять, и прежде, до землетрясения, наверняка она считалась красавицей, но вместе со стенами города рухнула вся ее жизнь, и сейчас вид ее мало отличался от какой-нибудь нищей. Хотя за свою столу совсем недавно она выложила столько, сколько стоит на рынке рабыня.

– А ну сидеть, раб! – рявкнул вигил, увидев, что здоровяк вновь попытался встать.

Рявкнул – это было, конечно же, не то слово – молодой ломкий голос сорвался на взвизг. Однако не приказ вигила, а жгучая боль от пореза – клинок при первом же движении мгновенно вспорол кожу – заставила раба захрипеть совершенно по-звериному, но остаться на месте.

Вигил тем временем довольно споро обмотал запястья раба веревкой. От запястий веревку протянул к лодыжкам – теперь пленник мог лишь нелепо семенить, и любая попытка бежать закончилась бы для него падением.

– У меня всегда наготове несколько кусков, – поведал парнишка. – Ныне народ в Золотой Антиохии одичал... Мой приятель Тит носит с собой аж кандалы – чтобы сразу заковывать арестованных.

– Как тебя зовут, вигил? – Приск убрал спату в ножны.

– Тит Менений.

– Прочти-ка, что у него на ошейнике написано, Менений.

¹³ *Stola* – женское длинное платье.

¹⁴ *Палла* – женский длинный шарф, который накидывался поверх столы.

– «Пан, раб Амаста, бежит к своему господину».

Подобная надпись подтверждала рабский статус человека и одновременно – что он не в бегах, а послан хозяином по делам.

– Раб Амаста? – Звук этого имени резанул не хуже кинжала.

Амаст! Амаст хотел убить самого Приска, пытал его и увечил. И этот же человек похитил его любимую Кориоллу с детьми. Кориоллу и дочь спасла Мевия, но единственный сын Приска, малютка Гай, остался в лапах Амаста и погиб.

Первым порывом было – схватить раба, приставить кинжал к глазу и потребовать отвести в дом хозяина. То есть совершить глупость. Когда-то Амаст ускользнул от личной стражи наместника Сирии Адриана – в одиночку военному трибуну этого скользкого угря не захватить.

– За провинность раба должен отвечать хозяин, – сказал Приск как можно равнодушнее.

– Точно! – подтвердил вигил. – Твой хозяин в городе? Ты, хорек, отвечай!

Пан мало походил на хорька – скорее уж на медведя, но юному Менению доставляло удовольствие так его обзывать.

– Всыпьте ему плетей! – потребовала матрона. – Рабы в последние дни совсем обнаглели – отбирают у женщин хлеб, а то соберутся толпой, заташат куда-нибудь в развалины и изнасилуют.

– Да что ты говоришь такое! – возмутился вигил. – Всех рабов, у кого не осталось хозяев, собирают на рабском рынке и запирают в клетках или в эргастуле. Мы каждый день обходим улицы, а по ночам непременно патрулируем отрядами по восемь, мне вон в третью стражу сегодня в обход идти. Шайки в самом деле прячутся в развалинах, но это в основном свободные – просто так мы не можем их задержать. Если находим кого – люди говорят, что устроились в развалинах на ночлег. Три дня назад мы поймали пятерых уродов – они затащили в развалины девочку, изнасиловали и задушили, когда увидели наш патруль. Труп они спрятали в мусоре, да только Тит всегда теперь водит с собой пса, и тот живо отыскал тело. Четверых отправили на каменоломни, а пятого приговорили к распятию, потому как тот был беглым рабом.

– Вот видишь – раб! – тут же уцепилась за его проговорку женщина. – Я же говорила – раб! Всех их надо распинать!

– Мой хозяин в городе... – завопил вдруг здоровяк – возможность быть распятым ему явно не понравилась. Да и шанс очутиться на рабском рынке в эти дни тоже не радовал – таких как он крепышей тут же отправляли ворочать камни, расчищая город, на самые опасные и грязные работы, где люди калечились или погибали ежедневно. – Хозяин все подтвердит! Сразу непременно подтвердит, – теперь здоровяк смотрел на Приска и вигила почти умоляюще.

Первым желанием было – немедленно спешить к дому Амаста, схватить мерзавца и... Но у того в доме наверняка полно преданной челяди, и в одиночку трибун ни за что не сможет его захватить.

– Где живет твой хозяин? – спросил трибун у Пана.

– Через три улицы отсюда – дом у столетнего кипариса.

– У тебя есть клетка, чтобы этого парня запереть? – Этот вопрос был уже адресован вигилу.

– А то! И не одна.

– Отлично. Запри его на час. У меня срочное дело в двух кварталах отсюда. А когда я вернусь, мы проверим – правду ли говорит этот тип. И кстати... – Приск сорвал с пояса здоровяка кожаный мешочек. – Что тебе передал этот бродяга?

– Не смей! – прорычал Пан. – Это вещь господина.

– Да? – Приск развязал тесемки и извлек из мешочка маленький стеклянный флакончик. Горло было плотно заткнуто и еще обмазано каким-то твердым составом. – Мне почему-то кажется, что в этом флаконе – не духи.

«А если уж быть точным – яд... Только вот кого собирался отравить Амаст?» – вслух этого Приск не сказал. Да и вряд ли Пан знал на этот вопрос ответ.

Раба поместили в клетку и заперли. После чего Приск зашагал к месту раскопок. И так, надо спешить. Не исключено, что Амаст, заметив, что Пан не вернулся с тайной встречи, начнет тревожиться. Да что там – тревожиться! Попросту сбежит. Первым делом: направить три контубернии – это как минимум – к дому Амаста. А затем вернуться и вместе вигилом отвести Пана к хозяину. Вот там и посмотрим – тот ли это самый Амаст или какой другой.

– А мне что делать? – послышался женский голос сзади. Как ни странно, в голосе звучали требовательные нотки.

Приск обернулся. Матрона шагала за ним и не отставала.

– Послушай, как зовут тебя?

– Флавия...

– У тебя кто-нибудь остался в городе?

Она замотала головой:

– Никого. Муж погиб. Брат, мама... – Она на мгновение стиснула зубы, переборолла подступивший к горлу комок. – Никого...

– Послушай, Флавия... Я – военный трибун, занимаюсь раскопками в городе... Наступит весна – уйду с армией в Парфию. Я ничего не могу для тебя сделать. Тебе лучше остаться на площади. Может, встретишь кого из родни...

– Я знаю, да... там надо быть... – Женщина усмехнулась. – Но за мной никто не придет. Мертвецы не возвращаются, трибун.

«Быть может, Аррия вот так же просит о помощи, и ей все отказывают...» – подумал Приск.

– Знаешь что... я сейчас отведу тебя к месту работ, побудешь там до заката, а вечером пойдешь со мной. Договорились?

Женщина вместо ответа схватила руку Приска и поднесла к губам.

– Да перестань. Я еще ничего для тебя не сделал.

Приск не знал точно, зачем он так поступает, – вокруг было полно несчастных, которым требовалась помощь куда больше, нежели Флавии, – изувеченные падением камней и деревьев, взрослые и дети, они порой лежали, умирая, на мостовой. По утрам солдаты раздавали им сухари – из легионных запасов, – чтобы горожане, лишившиеся всего, не умерли с голоду. Но все равно люди умирали – и вновь повозки везли свою страшную кладь по расчищенным улицам прочь из города. Приск видел – и не однажды – как прямо на улице легионный медик отпиливал несчастному горожанину раздробленную конечность. И если солдат обычно переносил муку stoически, то привыкший к наслаждениям антиохиец орал как резаный, если, разумеется, боги не посылали ему в своей милости беспамятство.

И все же чем-то эта женщина тронула его сердце... Быть может, тем, что несмотря на потери держалась твердо, как триарий¹⁵, когда сражение уже почти проиграно, и последняя шеренга вступает в бой.

* * *

К приходу Приска солдаты расчистили уже почти весь атрий, обнажив на полу прекрасные мозаики с богиней Дианой-охотницей в центре. По углам атрия на мозаичной картине среди зарослей прыгали мохнатые олени и длинноухие зайцы, там и сям выглядывали из кустов кабаны и леопарды, тигры и антилопы. Да и стены – судя по всему – украшали в основном

¹⁵ Во времена Республики (до реформы Мария) – солдаты делились на принципов, гастатов и триариев по сроку службы. Триарии – самые опытные и испытанные в сражениях бойцы. Отсюда поговорка: дело дошло до триариев.

пейзажи – сады, скалы, тонущие в голубой дымке горы. Денежный сундук в центре стоял на куске мрамора, будто на белой скале. С него уже сняли бронзовые скобы, крепившие хозяйскую казну к полу, и шестеро солдат готовились волочить его из атрия.

– Так это дом Александра и Береники! – воскликнула Флавия, когда Приск привел ее к развалинам, на которых трудились три его центурии.

– Вернее, то, что от него осталось, – уточнил трибун. – Надеюсь, хозяйева живы – тел мы под камнями пока не нашли – только труп привратника.

– Разумеется, живы, – отозвалась Флавия. – Александр с Береникой были у себя на вилле в тот день, когда случилось землетрясение. Я видела их у фонтана с тремя дельфинами – они приходили к стене кого-то искать. – Женщина покачала головой, брови ее сошлись на переносице. – Я умоляла... долго... их вилла почти не пострадала... и я... я ведь только просила взять меня с собой... пока не найду кого-нибудь из родни... Береника сначала согласилась... Но потом Александр накричал на нее, и она отказала... сунула мне в ладонь пару монет и ушла... Они бросили меня на улице... Как ветошь... как...

Женщина наконец не выдержала и разрыдалась. Злыми слезами последней, переполнившей чашу терпения обиды.

– А ты знаешь, где находится их вилла?

Флавия кивнула.

– И дорогу сможешь показать?

Снова кивок.

Ну что ж, у несчастной вдовы есть шанс отплатить за пренебрежение. Причем многократно. Вернуть удар – что может быть слаще?

– Сабазий! – позвал Приск раба.

Но раб и в этот раз не пожелал откликнуться – то ли уснул где-то среди развалин, то ли самовольно отправился на виллу Филона. Уже дважды Приск ловил его за подобными отлучками. Раньше его исполнительность просто поражала. А теперь он сделался безалаберен, лодырничал и при первой возможности исчезал из поля зрения хозяйского ока. Похоже, парень нуждается в хорошей порке. Хотя – с другой стороны – быть может – каждодневное созерцание трупов в самом деле выбило парня из колеи. Но сегодня вечером он точно получит – потому как исчез, когда в нем была нужда.

– Децим Проб! – окликнул Приск одного из легионеров. Тот живо подскочил, стукнул кулаком себя в грудь. Приск поднял руку в ответ.

– Вот что, воин... Немедленно отведи эту женщину к Афранию.

Женщина вроде как прекратила рыдания, но продолжала всхлипывать.

– Послушай, сейчас мой легионер проводит тебя к центуриону Афранию Декстру. Расскажешь про Беренику и Александра все, что мне говорила. Ты поняла?

– Разве я глупа? – усмехнулась Флавия, отирая слезы.

– Потом, Децим, отвези домну на виллу Филона. Там тебя, милая, встретят как дорогую гостью.

Женщина недоверчиво приподняла бровь.

– Филон всех так встречает, – слукавил Приск.

И на всякий случай написал письмо механику с просьбой принять женщину и разместить как приличествует знатной даме.

Работы на развалинах тем временем продолжались.

– Без меня сундук не открывать, – приказал Приск центуриону Фалькону. – Все найденное отправить на виллу Филона под охраной. Я сейчас же... забираю три контуберния для одного срочного дела. Знаешь дом у столетнего кипариса?

– Как не знать! Там напротив такой лупанарий, такие цыпочки!.. – Центурион причмокнул. Был Фалькон годами старше Приска (но старше ненамного), широкоплечий, полноватый,

в новеньких доспехах – старые наверняка пришлось продать – потому как не сходились на раздобревшей фигуре.

– Теперь вряд ли... – хмыкнул трибун.

– Не-е, говорят, девочки все спаслись и по-прежнему принимают посетителей, – не согласился центурион.

Сирийские легионы – это сирийские легионы – служба в них зачастую проходит в лупанариях, тавернах да винных лавках, недаром центурион так располнел.

Приск усмехнулся: хороший солдат всегда отыщет жрачку и девок – так что центурион наверняка прав.

– Отлично... Пошлешь туда три контуберния – но не в лупанарий... – уточнил трибун, – а к дому со столетним кипарисом. Прикажешь стоять поблизости – не на виду. Как раз возле лупанария всем и тереться. Чтобы со стороны казалось, будто парни решили порезвиться и устанавливают очередь...

– А они могут?... Ну в лупанарий...

– Когда я отпущу. И пусть прихватят с собой ручного «барана».

Речь, разумеется, шла не о настоящем таране, что разбивает городские ворота, а о толстом бревне с бронзовой башкой-«бараном». Им легионеры высаживали двери, которые заклинило после землетрясения.

– И да... пусть возьмут с собой лестницу.

– Э... да у нас настоящий штурм! – воскликнул центурион почти с радостью.

Видимо, решил, что это будет весело.

* * *

Пан топал домой в приподнятом настроении – то ли он не боялся хозяина, то ли домашняя трепка была для него делом привычным.

Дом рядом с кипарисом оказался ничуть не поврежденным землетрясением – как и сам кипарис. Только зелень огромного дерева припорошило известковой пылью, отчего великан казался поседевшим. Этот район пострадал меньше других – даже фонтан на перекрестке функционировал, и, выстроившись в очередь, горожане набирали в кувшины воду.

Дом, о котором говорил Пан, напоминал крепость. В Антиохии любят дома с множеством окон, их украшают колонками и фронтончиками. А тут на улицу не выходило ни единого окна, а массивная дверь была плотно заперта, как будто никто в этом доме не жил.

– Будем стучать? – спросил оробевший вигил, оглядываясь по сторонам, – даже он почувал подвох.

– Погоди!

Приск оглянулся – его легионеры уже толклись возле дверей лупанария, перебрасываясь шуточками. Однако прибыли они – как и приказал Приск – с оружием и прихватили с собой «барана». Приск подал им знак, вояки враз построились, бегом пересекли площадь, два контуберния встали у входной двери, а третья восьмерка побежала за угол – у дома мог быть выход на соседнюю улицу, и там стоило перехватывать слишком резвых обитателей.

– А вот теперь можно и постучать, – сказал трибун.

Но не успел.

На крыше дома мелькнула тень, вниз сорвалась черепица. И, прежде чем кто-то сообразил, в чем дело, или что-то разглядел, трибун заорал «Щиты!», толкнул ничего не соображавшего вига к стене и сам ринулся вплотную к кладке.

Пан в растерянности остался там, где стоял. Потом, связанный, неловко прыгнул в сторону.

Замешкайся Приск – два дротика ударили бы его в грудь – а так один просвистел мимо, а второй – чиркнул по шлему. Вдобавок кто-то сверху – не разобрав что к чему – пронзил Пана дротиком насквозь. А может – наоборот – разобрал. Хотя Пана пробило насквозь, умер он не сразу – а еще скреб древко, пытаясь вырвать его из груди, и на губах его пузырилась красная пена.

– Чтоб им заболеть! – пробормотал вигил, невольно приседая. Приск ухватил его за ворот туники и удержал на ногах.

На счастье, легионеры показали отличную выучку, среагировали мгновенно, успели прикрыться щитами от посыпавшихся сверху снарядов. Судя по крику – одного все же задело – в руку или ногу. Там, наверху, ведущих обстрел было не меньше десятка, и эти десять умели вести заградительный огонь.

– Черепаха! – крикнул Приск. – Таран!

Получалось в самом деле что-то вроде штурма крепости. Ну опыта в подобных делах Приску не занимать – Дакия его научила, как брать неприступные твердыни.

Два контуберния мгновенно перестроились и, прикрываясь щитами, подошли к двери. Тут передняя часть черепахи раскрылась, и «баран» яростно боднул дубовую дверь. От первого удара она треснула, а от второго – вылетела внутрь горой обломков и щепок.

За дверью никого не было. Легионеры ринулись внутрь.

Раздался визг – женский...

Трибун рванулся следом за своими легионерами.

– Мне нужен Амаст! – крикнул Приск, хватая за тунику какого-то паренька в атриии, что пытался укрыться в углу и слиться со стеной.

– Он в триклинии... – У раба от ужаса прыгали губы.

Легионеры тем временем уже успели по лестнице взбежать на крышу – и там рубили тех, кто осмелился встретить градом дротиков римских солдат в римском городе. У людей Амаста имелись при себе мечи, но не было ни щитов, ни шлемов, ни доспехов. А значит – и не было шанса уцелеть. Бой был короткий и кровавый. Трое упали наружу – остальные тела – в перистиль, ломая туи и рододендроны.

Приск, держа пойманного раба за шкирку, вместе с тремя легионерами ворвался в триклиний. Стол был уже накрыт, на столе – целый кабан с румяной поджаристой корочкой, порезанный на куски, налитое в серебряные кубки разбавленное вино – но ни хозяина, ни гостей за столом. Лишь оброненный венок да снятые сандалии... Судя по всему, Амаст и его дружки успели удрать. Опять! О, боги, чтоб у них на пути оказался вход в Аид!

– Есть другой выход? – Приск встряхнул раба, которого приволок с собой, как куль с мукой.

– У кухни... – махнул рукой парнишка.

Приск отшвырнул мелкого и ринулся в указанном направлении. Но лишь столкнулся со своими же легионерами – третий контуберний успел взломать заднюю дверь.

– Видели кого-нибудь? – Происходящее походило на колдовство.

– Один парень кинулся на нас с мечом, но мы его зарубили, – отрапортовал Канес.

К ногам трибуна швырнули труп какого-то смуглого долговязого типа – никогда прежде Приск его не видел. Одно можно сказать – у мертвого были густые курчавые волосы и длинные одежды с вышивкой – такие Приск видел прежде в Хатре.

– Обыскать тут все! – приказал трибун уже без всякой надежды.

Судя по всему, под домом имелся потайной ход, и хозяин по нему ускользнул. Как тогда, когда люди Адриана явились освободить самого Приска из лап Амаста.

– Каждый уголок... все что найдете – письма, ценности – все несите в атриий, – отдавал распоряжения Приск. – Туда же сгоните всех рабов.

Тут он только сообразил, что Пан так и остался на улице.

– Вигил! Менений! – заорал Приск в ярости, злясь прежде всего на самого себя. – Искать подземный ход!

Мальчишка-вигил быстро сообразил, что самое безопасное место во время штурма – за спиной Приска, и все время именно там и держался, не отставая ни на шаг. И сейчас он стоял позади.

– Сейчас поищу... – пообещал Менений.

Но Приск подозревал, что искать бесполезно, – даже если ход найдется, Амаст и его дружки давно ускользнули – с первым ударом в дверь, оставив рабов драться с легионерами и погибать.

– А этот дом... он что, как вражеский город... все же «баран» коснулся ворот, – спросил Канес. – Так что мы можем его грабить?

– Это дом в римском городе, – напомнил Приск. – Не трогать ничего! – Он поглядел на стол, на кабанчика, от которого шел такой соблазнительный запах. – А вот перекусить и выпить – позволяю – все равно хозяева отказались от пиршества.

– Обожаю поросятину... – ухмыльнулся Канес.

– Но сначала всех согнать в атрий. Мужчин связать. Женщин – и свободных, и рабынь – на кухню. А уж потом – кабанчик и вино.

Тем временем Менений вернулся. Вид у него был понурый.

– Ну что, отыскал ход?

Менений кивнул.

– Отыскал. Но там заперто изнутри, твои легионеры ломают.

– Тогда вот что. Немедленно отнесешь записку Зосиму, вольноотпущеннику наместника Адриана. Если кликнут к наместнику, на словах ничего не говори – можешь получить по шее. Атак – пока Адриан читает, пока вызнает у Зосима, кто принес и откуда, – наместник успеет вскипеть и остыть. Глядишь, и не убьет.

– Ты шутишь? – пробормотал Менений.

– Даже не знаю.

Передав парню запечатанные таблички, Приск отправился в триклиний – сегодня с самого утра он ничего не ел, и запах жареного поросенка энергично об этом напомнил.

– Трибун, надо бы отпустить людей с раскопок, а то они не жрамши с полудня, а скоро начнет смеркаться, – напомнил центурион. Он успел уже снять свои доспехи и теперь возлежал на месте хозяина, обгладывая поросячьи ребрышки. Пальцы Фалькона лоснились, по подбородку стекало вино. Если дело пойдет так дальше, центуриону вскоре придется заказывать новые доспехи.

Трибун, правда, сильно сомневался, что в отсутствие начальства его легионеры не позволили себе передохнуть и перекусить, вскипятив на костерке воды, разбавить вино.

– Просто так отпустить нельзя! – покачал головой Приск, вспомнив о найденном оружии и о том, что Афраний приказал отправить все находки на виллу Филона. – Нам пора возвращаться.

– Трибун! – В голосе Фалькона послышалась неприкрытая обида. – И мы позволим пропасть этому замечательному поросенку? Да это же просто преступление, за которое я бы налагал штраф и...

– Оставайтесь! – милостиво разрешил Приск. – Только смотри, чтоб из пленных никто не исчез.

Трибун приказал выставить в доме Амаста караулы на всю ночь, а сам направился назад – на раскопки. И потом уже – отдыхать на виллу Филона.

Глава II

Антиохия в руинах (продолжение)

Однако самому Приску вернуться на виллу Филона не удалось. Едва вышел он из дома Амаста, как нос к носу столкнулся с Децимом.

– Слава богам... насилу тебя отыскал, трибун... – выпалил легионер. Вид у него был явно запыхавшийся. – Центурион фрументариев Афраний Декстр передает тебе, чтобы срочно-срочно скакал на виллу Александра.

– Скакал? На чем? На тебе? Я сегодня коня не брал.

– Да вон присланы! – махнул рукой легионер. – И с ними провожатые. Срочно!

Провожатых было четверо. Кони рослые, ребята крепкие – из центурии фрументариев, не иначе. У них у всех лица особые. Как будто они в любой момент тебя каленым железом готовы прижечь. Но почему-то пока не прижигают и этим фактом раздосадованы.

– Я сам же про эту виллу и прознал, – кажется, в этот миг трибун пожалел о своей настойчивости. – Далеко хоть ехать?

– Да не меньше часа – так сказали.

Приск ожесточенно мотнул головой – после заката таскаться по окрестностям было более чем небезопасно – даже с охраной. Но не это его разозлило. Он не девица, чтоб бояться. А вот передохнуть опять не придется – это и вызвало досаду.

Пока ехали по улицам Антиохии к воротам, Приск в очередной раз отметил, как быстро город возрождается. Где-то под сводом полуразрушенного дома теплился масляный светильник. Прямо на мостовой выставлен был стол, разложены хлеб, сыр, стояли бокалы с вином. Люди сидела на досках, положенных на обломки колонны. Тут же висела плетеная люлька на каком-то крюке, что вбит был в обломок стены. В другом месте, разведя огонь в сложенном из булыжников и обломков гранитной колонны очаге, старик готовил кашу в медном котле. Двое мальчишек сидели рядом с очагом на корточках, ожидая, когда подоспеет нехитрый обед. Торговец, перекинув через плечо бурдюки с вином, шагал от дома к дому, громко выкрикивая:

– Хиосское, наилучшее хиосское!

– Эй, парень, дай-ка попробовать! – потребовал Приск. – Если вино хорошее, куплю весь бурдюк.

– Вино отличное! – заверил торговец. Рожа у него была хитрая – глаза – щелочки, одного уха не хватало. Такой и мочу может продать, не моргнув.

Протянул конному с некоторой опаской – схватит вояка бурдюк, да и умчится. Но трибун сделал большой глоток, одобрительно кивнул и спросил:

– Сколько...

– Десять денариев... – набрался наглости парень.

– Сколько? – пророкотала отдаленным громом угроза в голосе.

– Пять... – сбавил цену пройдоха.

– Два... и то потому, что вино отличное, – сказал Приск.

– Только ради твоей славы, трибун, – вздохнул торговец. – Твоей и Рима, – льстиво добавил, лоя монету.

Приск не видел, как парень, воровато оглянувшись, шмыгнул в щель между развалинами. Здесь был лаз в подвал под разрушенным домом. Внизу рядами стояли огромные амфоры, ничуть не пострадавшие во время землетрясения (разве что две или три раскололись, и теперь в подвале пахло хиосским – по запаху парень и нашел чужое сокровище).

Первым делом торговец спрятал полученные деньги под камнем, потом сцедил из амфоры вино в два бурдюка, плотно заткнул их пробками и выбрался назад – в полумрак ночных улиц. Если дело так пойдет и дальше, к лету он делается богачом. Парень уже прикиды-

вал, где можно будет купить дом – пока небольшой, без собственных бань, но непременно с перистилем...

Но не сбудутся его надежды. Меж развалин притаились двое, закутанные в серые плащи. Следили за тем, как удаляется, напевая под нос песенку, торговец... Вход в подвал они уже заметили.

* * *

Вилла Александра занимала огромную террасу на склоне горы Силпий. Облицованная белым мрамором, она матово светилась в лунном свете. Черные кипарисы в два ряда выстроились вдоль дороги, конвоируя путников к воротам.

Здесь Приска и его спутников ожидали караульные.

Сопровождавший трибуна фрументарий назвал пароль, и их беспрепятственно пропустили внутрь.

«Как в военном лагере», – отметил про себя хорошую организацию охраны Приск.

Афраний расположился в табличии хозяина – в удобной плетеной кафедре¹⁶. Напротив него стоял высокий дородный мужчина лет сорока с мясистым носом и короткой курчавой бородой – несомненно, Александр. Приск сразу узнал его – на фреске художник очень точно передал облик хозяина дома. По обеим сторонам от хозяина застыли двое фрументариев. Морды у них были самые зверские. Те, что сопровождали трибуна, просто зайчики по сравнению с этими. И где Афраний Декстр их только отыскал? Приск сразу вспомнил старого своего товарища Молчуна, который тоже одно время служил под началом Декстра. Нет, в Молчуне не было и десятой доли звериности этой парочки палачей.

Сейчас хозяин дома выглядел помятым – в прямом смысле слова – то ли оказал сопротивление фрументариям, то ли те дали волю кулакам по приказу своего центуриона.

– А, наконец-то! – со смехом воскликнул Афраний, когда трибун вошел. – Ты молодец, Приск. Выследил бунтовщика за один день! Ну и прыть...

– Где женщина? – спросил Приск.

– Береника в малом триклинии – я велел собрать там всех, кроме свободных мужчин, – отозвался Афраний. – А она красавица – я таких никогда прежде не видел, изумруд среди крашеного хрусталя.

– Я имею в виду Флавию, – уточнил Приск, понизив голос, – ему не хотелось, чтобы Александр узнал, кому обязан «счастьем» видеть всех этих людей на своей вилле.

– А, та замарашка? Я отослал ее в лупанарий...

– Что?

– Шутка... шутка... а ты и поверил? Я отправил ее на виллу к Филону – чтоб ее помыли там и накормили. Замарашка нам очень помогла. – Афраний повернулся к хозяину и повысил голос: – А этот дурак, вообрази, увидев, что вилла окружена моими людьми, решил вместе с женошкой пробиваться с боем. Пришлось скрутить его да надавать тумачков. Они, судя по всему, собирались утром дать деру – но мой визит смешал их планы.

– Наверняка кто-то шепнул, что легионеры начали разбирать завалы в их доме, – вот хозяин и кинулся в бега, – предположил трибун.

– Это точно. Только вопрос – куда наш Юлий Александр решил драпать и к кому... – Афраний вновь рассмеялся. Настроение у него было преотличнейшее.

– Неужели хозяин не говорит? – Приск тоже выбрал шуточный тон, решив подыграть центуриону фрументариев.

¹⁶ Кафедра – плетеное кресло с высокой спинкой.

– Нет, конечно... Я бы мог позвать кого-нибудь из своих умельцев... но не думаю, что это необходимо. У меня здесь две сотни крепких ребят, которым надо немного развлечься. А женщин в доме немного. К тому же три или четыре древние старухи, еще пара сопливых девчонок, так что нормальных самок в соку – не более десяти. Я думаю – пусть начнут с Береники...

Пока Афраний говорил – вот так же легко, весело, предвкушая забаву, Александр багровел, наливался черной кровью. Если бы не веревки, что связывали ему руки, и не два молодца, что крепко держали его за плечи, он бы кинулся на Афрания и вцепился тому в глотку – зубами.

– Она в самом деле так хороша, как на фреске? – ухмыльнулся Приск. – Тогда я первый...

Арестованный завыл – дико, по-звериному, и вдруг повалился на колени – охранники не препятствовали.

– Постой! – Трибун поднял руку. – Кажется, этот парень хочет нам что-то сказать. Если я правильно понял, конечно...

– Что тебе надо? – прорычал пленник.

– Мне? Твоя красotka жена, – отозвался Приск.

– А мне – хочется узнать, для кого ты собирал это оружие, что нашлось у тебя в доме, – уточнил Афраний. – Но жена твоя мне тоже нравится...

– Я скажу... Я все-все скажу... только не трогай ее.

– Слушаю, говори, – кивнул Афраний и улыбнулся – сама доброжелательность. – Ты же любишь свою Беренику, я вижу...

– Андрей из Александрии велел мне собрать оружие и ждать условного письма.

– Андрей из Александрии... – повторил Афраний. – Твой друг, надо полагать, иудей, как и ты?

– Я – римский гражданин! – прорычал Александр. – И то, что ты творишь...

– Я творю? – вдруг взвился Афраний. Голос его зазвенел металлом. – Это ты – бунтовщик. Ты копишь оружие. В твоём доме полно тайных писем на арамейском. Что ты замыслил вместе с этим Андреем из Александрии?

– Я не знаю... – как-то разом сникнув, отозвался Александр. – Точно ничего не знаю... Андрей велел собрать оружие и ждать. Это все...

– Совсем ничего? Так уж совсем ничего? – опять вернувшись к мягкому тону, поинтересовался Афраний. – Неужели ты не спросил, сколько оружия должен приготовить?

– Спросил... и получил ответ.

– А зачем оружие – не спросил?

– Нет... – Александр яростно замотал головой, зажмурив глаза. – Он был у меня в гостях только два раза. Поверь... Один раз – когда велел собирать оружие. А во второй раз – привез гостя из Селевкии на Тигре для встречи с кем-то из декурионов Антиохии.

– Гость из Селевкии... – Афраний на миг задумался. – И как звали этого гостя?

– Амийсах... – отозвался пленник.

– Странное имя... никогда такого не слышал.

– Мне тоже оно показалось странным... Да и сам гость был необычным – старик в тяжелых дорожных одеждах... Но... я... услышал, как однажды Андрей назвал гостя совсем иначе. – Александр замолчал. Чувствовал, что подходит к черте, из-за которой не вернуться, за нею он в мгновение ока станет предателем своих.

– И как же его назвали? Ну! – рявкнул Афраний.

– Пакор.

Афраний никак не отреагировал на прозвучавшее имя и продолжил допрос:

– И больше ты ничего не знаешь?

– Клянусь, ничего, центурион...

– Ну... ладно... – Афраний задумался – или, скорее, изобразил задумчивость. – В кладовую нашего Александра. Стеречь, глаз не спускать. Удерет – лишитесь головы...

Когда пленника увели, а вернее, выволокли, Афраний повернулся к Приску:

– Ты понял – Пакор!

– Царь Парфии? Тот самый, что хотел заключить союз с Децебалом? Дакийский царь еще отослал к нему этого пекаря Каллидрома.

– Бывший царь... – уточнил Афраний. – Сколько ему уже лет? Семьдесят? Восемьдесят? Мне доносили, что он укрывается в Селевкии – в той, что на Тигре, разумеется. А вот что получается... Он под носом у римского наместника приезжает в Антиохию к одному из членов городского совета, чтобы перетянуть на свою сторону самый богатый город восточных провинций, – это же уму непостижимо. Надеюсь, этого парня из совета раздавило в его собственном доме собственной колонной. Иначе я сдеру с него шкуру живьем.

– Есть какие-то планы?

– Ну я еще не решил. А кстати, эта Береника – просто красавица. – Центурион причмокнул. – Не хочешь поразвлечься?

– Афраний, этот человек рассказал нам все, что знал...

– Все ли?

– Не надо трогать его жену. – Приск чуть добавил металла в голосе.

По чину он был выше Афрания, хотя особый статус фрументария давал тому не меньшую, чем трибуну, власть. – Ты обещал.

– Ну, как знаешь...

– Разве мало в Антиохии доступных женщин?

– А я люблю недоступных. Но ты прав, если мы хотим, чтобы парень нам помогал и дальше, пусть жена его спит в эту ночь одна.

– Вот-вот... А как на вилле с баней? Наверняка есть, и наверняка шикарная. Если, конечно, во время землетрясения не обрушилась.

– С баней все нормально, – отозвался Афраний. – Одно только плохо – она не топлена. Хозяева собирались бежать – им было не до бани. А мыться зимой в нетопленной бане даже здесь, в Сирии, – не самое большое удовольствие.

– Пусть нет тепла – вода хотя бы чистая? А то я на разборе завалов вечно так извожусь, что, не помывшись, лечь в кровать не могу...

– Так спи на полу, – небрежно бросил Афраний.

– Предпочитаю кровать. Так что пойду, окунусь.

Приск взял фонарь¹⁷, кликнул раба, потребовал принести ему простыни и направился в термы. Располагались бани чуть в стороне, и, чтобы до них добраться, надобно было миновать часть сада с круглой беседкой, увитой виноградом. Когда Приск проходил мимо, ему показалось – там кто-то прятался – скорее всего, кто-то из рабов. Трибун лишь отметил соглядатая, не кинулся выяснять – кто. Обычное дело: во время неразберихи пара-тройка невольников пытается сбежать. Пусть бежит – если охота украсить свой лоб оттиском каленого железа с буквой «F».

Бани были очень недурны – просторные – и, как показалось Прииску, – хранили еще вчерашнее тепло.

Хотя – скорее всего – это было тепло солнечного дня – через застекленный купол кальдария с рассвета до заката сверху лился поток света. Приск тронул воду в бассейне – вполне сносная для воина, что прослужил не один год в Дакии и маршировал по Дакийским Альпам по морозу. Трибун решил раздеться тут же у бассейна – зачем ему раздевальня? Он просто сложит одежду на полу... А вот раб – натереться маслом – не помешал бы. Уже обмазавшись

¹⁷ Фонари в Риме имели большое распространение – внутри фонаря могла помещаться масляная лампа, а стенки делались из полотна с пропиткой, из кости или из пузыря животных. Сверху в крышке были отверстия для выхода дыма. Во времена Траяна могли использоваться и стекла.

маслом, трибун запоздало сообразил, что зря это сделал, – в холодной бане масло трудно снимать скребком. Обругав про себя хозяев, Приск полез в бассейн окунуться и...

Он погрузился в воду, и тут же на него обрушился кто-то сверху, обхватил за шею, придавил лицом вниз – ко дну. Бассейн был мелок – в таком не утонуть. Но, если тебе не дают дышать, ты можешь захлебнуться в тазике с водой. Однако мелкота бассейна спасла трибуна. Он уперся правой рукой и коленями в дно, а левой ухватил за волосы оседлавшего его человека. В следующий миг он сдернул его с себя и в свою очередь придавил ко дну, сдавливая горло... Но парень тоже оказался не промах – и выскользнул... Они выпрыгнули из воды, как два дельфина, и уже в воздухе сцепились – каждый искал горло другого. Приск упал на спину, нападавший прыгнул на него – но не сумел придавать к полу – Приск ударил ногами. Борцовский прием был парню скорее всего незнаком. Нападавший рухнул в бассейн. Приск нырнул следом – и опять руки соперников сошлись на шее друг друга. Повезло больше Приску – руки раба соскользнули с натертой маслом шеи. А вот трибун вцепился в горло противника, крепкие пальцы нащупали кадык...

В следующий миг по воде бассейна поплыли, расплываясь, пурпурные узоры.

Глава III Кое-что о предсказаниях

Перевалив через середину, жизнь начинает напоминать великую реку в устье. Много ила, мути, зарослей тростника, и главное – главный бурный поток разделяется непременно на рукава, и каждый утаскивает за собой кого-нибудь из друзей. Приск – военный трибун, Кука – преторианец, Малыш – фабр. Фламма – библиотечарь, а он, Тиресий, – фрументарий. Вернее, центурион фрументариев.

В отличие от Приска, Тиресий не занимался разбором завалов. Здесь в Антиохии ему поручили то, чем и должен был прежде всего заниматься фрументарий, – следить за поставками хлеба. Впрочем, занимаясь снабжением, разузнать, кто чем дышит, чего ждет и чего опасается, – дело не самое сложное. Однако в последние месяцы говорили только о двух вещах – во-первых, о землетрясении и о том, что с этой катастрофой связано, а во-вторых – о предстоящем походе Траяна в Парфию. Напрасно Тиресий вслушивался в разговоры, расспрашивал и задавал наводящие вопросы – ничего нового в этом потоке новостей выудить не удавалось. Кажется, Кука как преторианец, время от времени имевший доступ в ближний круг императора, доставлял друзьям больше новостей, нежели фрументарий Тиресий. Именно Кука сообщил, что император по-прежнему относится ко всякому известию о возможном восстании на занятых территориях с равнодушием. А если уж точнее – то просто отмахивается от подобных новостей. Опять же Кука передал друзьям содержание донесения, что пришло от префекта Рутилия Лупа из Египта – о беспорядках в Александрии в октябре прошлого года и о том, что Луп просил дополнительные войска к тем, что уже располагал.

Но император не внял его просьбам. Ответствовал: вполне достаточно, чтобы держать иудейскую диаспору в покое XXII Дейторатова легиона близ Александрии да тех когорт III легиона Киренаика, что стояли в Иерусалиме. К тому же в распоряжении Лупа есть греческие отряды под командованием стратига Аполлония, что стоят близ Мемфиса. Давно уже ясно, что с каждым месяцем император все больше и больше живет в плену своих фантазий, он уже не планирует походы, а грезит ими и все менее трезво оценивает обстановку в империи, и особенно – на Востоке. Да, император по-прежнему со всем тщанием относился к подготовке легионов и когорт, но почти не интересовался – в каких землях его солдатам придется воевать. Как Цезарь, считая, что достаточно только прийти и увидеть, чтобы победить.

Однако если Траян от этих новостей отмахивался, то все донесения очень внимательно выслушивал наместник Сирии Адриан – ему лично Тиресий докладывал уже несколько раз обо всем, что разузнал сам (очень мало), или то, что удалось выяснить Куке или Фламме.

Кстати, о Фламме... От чудаковатого парня, над которым друзья время от времени подсмеивались, неожиданно оказалось вдруг много толку. Освобожденный по настоянию Приска от каких-либо обязанностей, Фламма бродил по разрушенному городу в гражданской одежде, но всегда держа под рукой оружие. А на расстоянии за ним следовал Тит – Тиресий настоял, чтобы его здоровенный дак-вольноотпущенник на время сделался телохранителем библиотекаря и его тенью. Преданный дак готов был при малейшей опасности вступить за тщедушного Фламму. Библиотекарь попросту копировал на восковые таблички надписи на стенах, что его заинтересовали, помечая, где именно оставили интересное сообщение. Вечером он анализировал скопированные тексты. И очень скоро сообразил, что как минимум в четырнадцати местах идет очень активный обмен новостями. В основном это казалось торговых сделок, торговли краденым... то есть в городе разрастались язвы, выжигать которые должны были городские власти. Но вот в одном тупичке надписи носили совсем иной характер. Цифры, рисунки – то бык, то орел... без труда Фламма опознал в этом нехитром коде названия легионов. А далее шли опять цифры – скорее всего, численность римских солдат. Как только Адриан услышал об этом, тут же приказал схватить соглядатая... Но Фламма его отговорил. Куда полезнее следить за тайным местом и, как только надпись появится, менять числа – преуменьшать число легионеров и ауксилариев¹⁸ – так полные легионы превращались в жалкие вексилляции. Тысячные когорты – в центурии. Кто бы ни получал эти сведения, он ошибется насчет численности собранной Траяном армии как минимум в десять раз и решит, что никакой угрозы нет. Или что она смехотворна.

* * *

В Сирии с Тиресием случилась странная вещь. Он приохотился к настойкам трав, горьким отварам перед сном, и вещие сны – прежде приходившие редко – от силы раз в нундины – и как исключение два дня подряд, теперь сменились другими, что являлись каждую ночь, поразительные в своей отчетливости, наполненные невиданными подробностями, незнакомыми людьми, пейзажами, почти невозможными, – то скалы вздымались, напоминая восточные крепости, то вода лилась по камням, и сквозь струи потока угадывались в камнях очертания людей, деревьев, зверья.

Но у этих снов имелось одно очень неприятное свойство – они перестали пророчествовать, ничего не говорили Тиресию о будущем, не предрекали опасности, не сбывались...

Сладок был сам сон, а реальность вдруг утратила объем и сочность, выцвела, пожухла, будто ливень смыл со статуи в саду все нанесенные художником краски. Тиресий попробовал вообще отказаться от питья настоек – но тогда сны перестали сниться вовсе – или они не запоминались, ускользали, как ночные птицы, вместе с темнотой. А если память и возвращала видения, то их тусклая блеклость разукрашена была лишь темнотой бесконечных коридоров, острыми углами запутанных лабиринтов, и ничего нельзя было сыскать в духоте однообразного кошмара...

Тиресий проклинал свою неосторожность – потеря дара его мучила больше, нежели боль самой глубокой и рваной раны, что оставляли крючковатые стрелы даков.

Тем больше обрадовал его внезапный сон, очень похожий на прежние, – без фантастических зданий или лесов, простой подвал без единого окошка. Горит фонарь, его тусклый свет

¹⁸ *Ауксиларий* – солдат вспомогательных войск, обычно негражданин. После выхода в почетную отставку получал бронзовый диплом о получении римского гражданства. Нередко в этот диплом заносились и его родные.

выхватывает абрисы каких-то людей, закованных в колодки. Тиресий пытается их разглядеть и видит, что это женщины и дети... И одну из женщин он узнает...

Он пытается выйти, но не может, дверь заперта... Он бьется – кулаками, ногами, всем телом – и прорывается наружу... сквозь кирпич и дерево – именно сквозь. Оборачивается – и видит, что дверь по-прежнему закрыта, видит бронзовые накладки засова и потемневшую древесину. Отступает на шаг и понимает: дверь завалена всяким хламом – это ход в кладовку...

Он выбегает из кухни в коридор, оказывается в каких-то комнатах, потом в атрии и следом – снаружи. Видит дом, похожий на крепость, фасад без единого окна и рядом – огромный черный кипарис, выбеленный сединой известковой пыли в предутренних лучах.

И просыпается...

– Дом рядом с кипарисом, – бормочет он наяву. – Рядом со столетним кипарисом.

* * *

Тиресий выскочил из палатки. И лицом к лицу столкнулся с собственным опционом. Звали его Аврелием Примом, парень этот прошел дакийскую войну, как Тиресий и его друзья, служил в Пятом Македонском и после парфянской войны мечтал о почетной отставке и возможности прикупить домик в Дакии. То и дело опцион намекал, что мечтает поселиться в новой провинции рядом со своим центурионом. Если план этот удастся осуществить, Аврелий дал обет еще при жизни сделать себе и Тиресию мраморное надгробие. Получить бесплатно мраморное надгробие – неплохо. Но еще лучше в новой провинции иметь рядом надежного соседа, которого всегда можно кликнуть на помощь в случае разбойного нападения. Или который тебя поддержит на выборах в городской совет.

– Где Афраний? – спросил Тиресий у опциона.

– Уехал за город – говорят, нашли что-то важное на вилле одного богача. – Опцион был всегда в курсе событий.

– Послушай, помнится, вчера что-то болтали о доме с кипарисом?

– Ага... Там нашли целое гнездо заговорщиков.

– И чей это дом? Запомнил?

– Кто хозяин?

– Ну да... разве я не так спросил?

– Так, так... все так... Хозяин... – Опцион вытащил из сумки таблички. – Хозяином в этом доме Амаст.

* * *

Сказать, что Тиресий отыскал дом без труда, – было бы неправдой. Трудов это ему доставило немало. А когда наконец отыскал, то стоявшая у ворот стража не сразу его пропустила – пришлось звать центуриона. Центурион гостя сразу же узнал – но как-то засомневался, стоит ли открывать перед этим странным фрументарием дверь. Фрументарии Тиресия за своего не держали – перевелся он из Пятого Македонского недавно, слыл любимчиком Адриана, тогда как фрументарии все поголовно были преданы, прежде всего, императору.

После недолгой перебранки Тиресия наконец пустили внутрь, и первым делом прорицатель потребовал показать, где в доме кухня. Кликнули одну из рабынь – старую колченогую тетку, и та, ворча, привела странного посетителя на кухню, где кипятили воду для завтрака. При этом два фрументария следовали за Тиресием и его «Ариадной»¹⁹ по пятам.

¹⁹ Ариадна дала Тезею клубок, чтобы тот вышел из Лабиринта после того, как убьет Минотавра. Отсюда выражение – нить Ариадны.

– А кладовка? – спросил центурион, оглядываясь.

Все увиденное пока мало соответствовало обстановке во сне. Что-то было похоже, но по большей части – не узнавалось. Неприметная кладовая (вход под лестницей) оказалась рядом с кухней – вся заваленная хламом – так что внутрь было не пройти. Но что-то настораживало. Тиресий готов был поклясться хоть Немезидой, хоть Геркулесом²⁰, что этот хлам не так давно перетряхивали.

Тиресий принялся раскидывать старые корзинки и треснутые горшки, какие-то тряпки, сломанные метлы и деревянные ведра без ручек – выбрасывал прямо в коридор, а потом велел одному из фрументариев позвать себе людей на помощь.

– Да что ты творишь?! – взвилась кухарка. – Это что, твое? Да ты... да не смей – господин вернется, мне все волосы повывергает. И тебе, старый, тоже.

«Вот же не знал, что я старый...» – подивился ее воплям Тиресий.

Кухарку пришлось прогнать, кликнуть на помощь еще двух рядовых фрументариев.

Кладовую наконец освободили, и центурион вошел в совершенно пустое помещение – четыре стены без окон с единственным входом. Тиресий велел принести факел и стал подносить его к многочисленным трещинам и щелям в стенах (следы землетрясений – нынешнего и, видимо, прежних). Внезапно возле одной пламя заколебалось – откуда-то тянуло воздухом.

Фрументарии, знавшие толк в тайных комнатах, тут же оживились, притащили кирку. Не пытаясь сладить со сложным механизмом тайника, Тиресий велел выламывать стену, и после трех или четырех ударов несколько камней обвалились, открылся узкий лаз, круто идущий вниз.

– Похоже, здесь все же имеется подвал... – усмехнулся Тиресий.

Вход расширили. Тиресий побежал вниз по лестнице, держа в одной руке факел, а в другой меч. Фрументарии помчались следом.

И тут увиденное полностью совпало со сном – до мельчайших деталей – и подвал без окон, и люди, закованные в колодки. Женщины и дети сбились в кучу и не шевелились...

Тиресий приблизился к мальчишке, что лежал с краю, откинувшись, задрал к потолку острый подбородок. Даже при свете факела было видно, что он мертв.

Женщина рядом еще дышала. Она с трудом приподняла голову и что-то прошептала – что именно, Тиресий не понял.

Вслед за женщиной дернулась лежащая на полу девушка, открыла глаза, мотнула головой. Спутанные волосы, запавшие щеки, руки столь тонкие, что казались тростинками. Губы девушки шевельнулись.

– Марк... – Это центурион услышал отчетливо.

– Сбить оковы! – приказал он сопровождавшим его фрументариям.

Через несколько мгновений он поднял девушку на руки. Она почти ничего не весила, а вот воняло от нее мерзко.

– Этих всех наверх... – приказал Тиресий, кивая на остальных пленных.

Кажется, многие уже умерли. Но человек шесть или семь шевелились.

– Так это рабы... – заметил один из фрументариев.

– Рабы? – усмехнулся Тиресий. – Глянь на золотую буллу мальчишки... я лично думаю, что это все свободные.

Из кладовой освобожденную пленницу Тиресий притащил на кухню и здесь, все еще удерживая ее на руках, потребовал дать несчастной воды.

– Да куды ж ты ее! – возмутилась кухарка. – От нее же смердит.

²⁰ Немезидой клялись военные, а клятва Геркулесом была самой распространенной.

Ну да, от пленницы смердело – дерьмом и мочой – днями они все там сидели на соломе в колодках не в силах переместиться – и хорошо если фекалии стекали из-под пленных в узкий желоб. Так что и спина, ягодицы и бедра покрылись язвами.

– Воды! – рявкнул Тиресий.

Кухарка аж подпрыгнула и подала кувшин.

Тиресий плеснул несчастной в лицо. Та дернулась, жадно ловя губами капли. Открыла глаза и вновь прошептала:

– Марк...

– Ты спасена, Аррия, – прошептал Тиресий.

И понес девушку вон из дома.

Глава IV Хлопоты механика Филона

Филон пребывал в растерянности. Настоящий камнепад событий – буквально – настиг его и собирался погрести под собой. Сначала к нему привезли друг за другом четыре повозки, нагруженные оружием. Оружие Филон приказал перенести в пустующую мастерскую и запереть. Вторым, очень странным в этой череде, – было появление замарашки, у которой при себе имелась записка от Афрания с просьбой помыть, накормить и устроить в доме некую Флавию, свободную женщину. Кликнув рабыню и приказав проводить гостью в бани, а после пригласить ее пообедать в малом триклинии, Филон тут же проверил – крепки ли запоры на домашнем денежном сундуке. Каморку он приказал ей выделить рядом с комнатой управляющего и на всякий случай велел запереть снаружи на щеколду.

Тем более что Приск ночевать не явился. Зато вечером шестеро легионеров привезли на повозке денежный сундук, ларь с папирусами и еще два сундука всякого добра и объявили, что будут стеречь привезенное вплоть до возвращения трибуна. Пришлось служивых кормить и обустраивать на ночь – стояли они в карауле посменно.

Ночью прискакал на взмыленной лошади фрументарий от Афрания и потребовал найти и арестовать Сабазия, раба трибуна Гая Остория Приска. Арестованного посадить в колодки в эргастуле²¹ и приставить охрану. Но раб не возвращался – как и его хозяин. О чем и было сказано посланцу. Тот взял сменного коня и умчался.

Попутру Приск так и не появился. А значит – шестеро легионеров по-прежнему оставались в доме Филона и требовали вина, ветчины, сыра и хлеба.

– Я же разорюсь... клянусь Гермесом и его крылатыми сандалиями – в три дня разорюсь... – стонал Филон. – Кто ж мне компенсирует все убытки?

Ответа механик не получил – некому было отвечать. Около полудня прикатил на повозке Тиресий и привез еще одну красотку – какую-то изможденную девушку в грязных лохмотьях, потребовал баню, куриный бульон, лекарственных трав, самое лучшее оливковое масло, прокаленное на огне, вино и еще кучу всего – в том числе чистую тунику для несчастной. На вопрос, кто она такая, Тиресий отвечать отказался, но посоветовал отыскать лекаря.

Вслед за Тиресием прибыл Ликорма и стал требовать выдать ему денежный сундук, найденный Приском в доме Александра, и с ним все остальные сокровища.

Филон пообещал сундук доставить, но вместо этого убежал и спрятался в дальних помещениях, рассчитывая, что явится, наконец, способный объяснить, что вообще в его доме происходит.

²¹ Эргастул – тюрьма для рабов.

Ликорма, получив от легионеров ответ, что сундук никому отдавать не велено, а велено ждать Афрания Декстра и его распоряжений, отбыл назад в Антиохию в самом прескверном расположении духа.

О его отбытии тут же донесли Филону, хозяин выбрался из своего укрытия, велел накрыть стол в малом триклинии, чтобы перекусить, и позвать к столу Тиресия. К его изумлению, он встретил тут незнакомую красотку в длинной домашней тунике, с вьющимися длинными волосами медового цвета и так растерялся, что с трудом вспомнил, что какую-то грязную матрону еще вчера велел кормить в малом триклинии как гостью. Гостью сопровождала любимая рабыня Филона Мышка.

«Флавия» – вспомнил наконец механик ее имя.

Тиресий явился как раз в тот момент, когда управляющий зашел и громко сообщил, что...

– Прибыли гости из Хатры, господин...

– Гости из Хатры? – Филон попытался разыграть изумление и, прикрывшись рукой, стал корчить управляющему рожи – мол, скройся с глаз долой – не до тебя. И гостей спровадь подальше, пусть едут в гостиницу. Если таковую найдут.

Но вилик²² то ли не понял, то ли решил сделать хозяину гадость и добавил радостно:

– Наверняка хотят заказать у тебя новые машины для бросания хатрийского огня.

– А что такое хатрийский огонь? – тут же спросила матрона.

В ответ на ее вопрос Филон лишь застонал – это, кажется, был худший день в его жизни.

– Огонь как огонь... горячий... – отозвался механик.

– Я слышал, его бросают со стен с помощью машин, – как нарочно, влез в разговор Тиресий. – Асам он получается от горения серы и той черной жижи, что мы видели в Дакии. Нафта, кажется...

– А, ну вот... ты знаешь, а зачем спрашиваешь... – неумело изобразил обиду Филон.

– Твоя гостья интересуется, – уточнил Тиресий.

Филон поднялся с ложа и поплелся в атрий – встречать гостей из Хатры, все равно от них некуда было деться.

* * *

Когда Афраний вошел в термы, то увидел, что Приск сидит на бортике бассейна, а в воде лицом вниз покачивается недвижимое тело. Фонарь, что принес с собой Афраний, давал мало света, но без труда можно было понять, что человек, плавающий в бассейне, мертв.

Вид у трибуна был неважнецкий – плечо рассажено до крови, скула разбита, глаз заплыл.

– Ты его прикончил? – Афраний кивнул на тело в воде.

– Пришлось. Он пытался убить меня.

– Жаль...

– Что жаль? Что он меня не убил? Или что я убил его?

– Последнее. Теперь его не допросить. Уж зачем-то здоровяк на тебя напал. Не для того же, чтобы похитить твою невинность. Вытащить тело из воды! – приказал Афраний двум фрументариям.

Тело извлекли и уложили на пол в банях.

– По виду скорее всего раб, бывший гладиатор, значит – либо телохранитель, либо наемный убийца, – заключил Афраний. – С ним было трудно справиться?

– Нелегко... – подтвердил Приск. – Он следил за мной, когда я шел в бани.

– Значит, ты узнал нечто такое, что не должен был...

²² Вилик – управляющий.

– Ну, мы оба узнали сегодня кое-что важное, – напомнил Приск. – Или... – Он огляделся. – Или я мог узнать нечто важное здесь...

Он огляделся.

– Знаешь, мне на ум нейдет, что такого можно узнать в термах, – фыркнул Афраний. – Кроме пошлостей, разумеется.

– Погоди... – Приск вспомнил, что хотел заглянуть в раздевальню, но потом передумал. – Мы ведь оба заходили в бани через сад.

– Ну...

– А я, если бы захотел что-то укрыть в банях, спрятал бы в раздевальне – это самое удобное место... Там множество ниш – и оставить в одной из них нечто важное – не так уж и трудно.

– Ну что ж... давай проверим твою гипотезу, – предложил Афраний.

* * *

В раздевалке было пусто, как и повсюду в термах. Фрументарии принесли несколько фонарей и стали оглядывать ниши, но ничего пока не находили ценного – в одной нашли оставленные скребки. В другой забыли набедренную повязку.

– Надо было поспорить с тобой на тысячу сестерциев, что твое предположение неверное, – я бы выиграл... – хмыкнул Афраний.

– Да, надо было... и да, хорошо, что не поспорил, – я сохранил тысячу... Но я узнаю, в чем дело... Помнишь, ты говорил, что хозяин с женой хотели бежать, и мы схватили их в последний момент...

– Ну да...

– Где лежат вещи, которые они собирались брать с собой? Ведь они что-то приготовили в дорогу?

– Всё в малом триклинии – там, где заперли женщин.

– Ага! Вот там-то и надо искать... – решил Приск.

– Что искать?

– Не знаю. Но что-то такое, за что можно убить.

* * *

Устроилась Береника неплохо – на одном из лож триклиния для нее разложили ткани и подушки, и теперь хозяйка полулежала, завернувшись в тонкий шерстяной покров. Служанки сидели на полу возле ложа госпожи. Приск подумал, что, наверное, так проводила последние часы Клеопатра. Смуглая девушка играла на флейте, остальные слушали. Никто не ложился спать. Однако ничто и не говорило о том, что хозяйка дома находится в опасности. Казалось, женщина решила провести остаток вечера в кругу домашних рабов.

Когда Приск вошел, Береника приподнялась на локте, но не встала. Она была чудо как хороша. Необыкновенно светлая матовая кожа, миндалевидные глаза, тонкий нос с горбинкой, изогнутые, как лук Амура, губы... Ожерелье на шее – золотое с жемчугом и гранатами. На запястьях – в таком же стиле браслеты. Сейчас она выглядела так, как и положено богатой матроне. Тогда почему у фонтана с дельфинами она выглядела как потерявшая все горожанка?

Запах тайны, обмана, игры... Вот только в какую игру играют Александр и его супруга? И что именно Приск должен найти? Именно он – и это должно сразу броситься в глаза...

– Мы должны осмотреть те вещи, что сложены в углу триклиния, – сообщил Приск.

– Пришел грабить? – дерзко спросила Береника. – Только запомни, трибун, я могу рассердиться, и тогда тебе придется о-очень несладко. – Она потянулась, как сытая кошка.

– Возможно... – Приск сделал знак фрументариям, и те притащили сундуки и кожаные мешки из угла, стали высыпать на пол ткани, украшения... заблестело золото, серебро, жемчуг...

– Ничего не брать! – предупредил трибун. – Вот ты! – подозвал он одну из служанок. – Будешь складывать осмотренное в сундуки.

Оранжевые, желтые, зеленые шелка перетекали через его огрубевшие за время раскопок пальцы. Золото и гранаты, жемчуг и янтарь сыпались в серебряные шкатулки...

Стоп! Приск наклонился и из груды одежды вытащил тунику с длинными рукавами. Она была вышита по подолу, вороту, рукавам и по центру груди узором из цветных камней и золотой нитью. Сердолик, гранаты, яшма и агаты... каждый камешек был просверлен и аккуратно пришит к одеянию. Приск видел такие одежды только однажды, и только в одном городе – это была Хатра. К тунике прилагались и шаровары, и сапожки, а также пояс из золотых пластин – опять же украшенный камнями. Застегивался он изображением бога в уборе из шипастых лучей.

– Изображение бога Шамша... – проговорил Приск, глядя на Беренику. – И хатрийские одеяния. Откуда все это здесь?

– Вот глупый! Если бы я помнила всех, кто дарил мне золотые браслеты...

– Это не браслет. Это – мужской пояс, и на застежке изображение солнечного бога Шамша. И ты ему не поклоняешься. Как и твой муж... Не так ли? Чьи это одежды?

– Откуда мне знать? – пожала плечами Береника. – Возможно, забыл один из любовников. Ты, к примеру, никогда не оставлял у девицы, кроме семени, еще и какую-нибудь тряпку? Или колечко, хотя бы бронзовое?

Расчет был прост – своею дерзостью она намеревалась смутить трибуна.

– Я скажу! – кинулась к Приску одна из служанок. – Только ты заплати мне, добренький господин...

– Да уж не беспокойся, плату получишь... – сладко улыбнулась Береника, как будто обещала щедрую награду. – Я сдеру с тебя кожу и буду носить вместо плаща.

– Господин... – Девчонка побледнела и подалась назад.

– Не бойся! – повысил голос Приск. – Угрозы ее пустые. Уж скорее с твоей госпожи сдерут кожу.

– Осторожней, трибун, я предупреждала... – небрежно заметила Береника. – Я могу рассердиться – и тогда – берегись!

Она непринужденно переменяла позу, туника ее не была сшита по бокам. И теперь будто ненароком обнажилось бедро. В комнате не осталось ни одного мужчины, кого бы не охватило возбуждение при виде этих округлых линий.

Приск отвел глаза.

– Говори! Живо! – прикрикнул трибун на служанку.

– Эту одежду и этот пояс привез один толстый старик, что притащился к нам аж из Селевкии на Тигре...

– А... – Приск едва не сказал: ты говоришь про Пакора? – У него было такое странное имя.

– Да, господин, добренький господин, сладенький господин... Его называли и вправду чудно – Амиисах... Он передал эти одежды и сказал – они одного господина, и имя ему будет Илкауд. И сказал, если человек наденет пояс с этой застежкой, может безбоязненно приехать к нему в Селевкию. Он ужасно шепелявил, но я все поняла.

– Этот старик сказал все это тебе?

– Что ты, господин! На меня он и не взглянул. А если бы и взглянул – то вряд ли бы разглядел – глаза у него были мутные, как будто два светлых голубых камешка. А я все слышала, потому что причесывала утром мою госпожу, потому что ей казалось, что я больно дергала

ее за волосы. А я очень хорошо причесываю, и лучше меня никто не сделает волосы блестящими и пушистыми. Ау меня на руке образовалась от ее укола язва, из нее гной идет, и рана не заживает. И теперь госпожа грозит отослать меня в лупанарий. А потом, когда я закончила прическу, госпожа вышла из комнаты в перистиль, куда явился тот старик, и я все слышала. А господин в это время тоже был в перистиле. И старик все это говорил и ему. А говорил он громко, как человек, который привык командовать на поле боя и уж более не умеет говорить тихо. Это вот как ты, добренький мой господин...

Приск усмехнулся – обычная ошибка знати: всех рабов они считают немыми и глухими.

– Ах ты гадина! – выдохнула Береника. – Стоило не руку тебе проткнуть, а глаз выколоть. Вернее – оба. Но мне все равно, что ты тут болтаешь... Все это брехня глупой вруньи. Не тебе, трибун, решать чужую судьбу. Может быть, ты умрешь к утру, а я приду поглядеть, как тебя убивают... Я обожаю смотреть на казни. – Голос Береники сделался ну прямо медовый. – Так ведь я говорю, Зосим?

Трибун обернулся. На пороге стоял отпущенник Адриана. Он был малость встрепанный, видимо, ну очень торопился сюда прибыть. За последнее время он как будто высох. Похудел, поседел, как-то стал скорбен лицом. И от одежды его, несмотря на то что была она почти новая, пахло пылью и потом.

– Мой господин прислал за тобой лектику, домна. – Говорил Зосим с почтением и кланялся низко.

Женщина неспешно поднялась, служанка тут же накинула на нее полупрозрачную паллу.

– Так попросить мне твою голову, трибун, на блюде, – проговорила сладко-сладко Береника и, проходя мимо Приска, слегка мазнула пальцем его по щеке. – Или оставить ее на плечах. А? Встань на колени, попроси...

Приск не ответил – отвернулся.

– А мы гордые... – Береника фыркнула. – Я люблю гордых. А вот наглых не люблю. Ты гордый и наглый. Так что я еще подумаю, трибун. Может – попрошу твою голову, а может – нет. Мне не нравится, когда роются бесцеремонно у меня вещах. Зосим... – повернулась она к отпущеннику. – Пусть мои вещи уложат в сундуки да проверят, не пропало ли чего.

Вольноотпущенник поклонился:

– Я обо всем позабочусь, домна.

И, едва она вышла, кинулся к Приску:

– Что вы тут делаете с Афранием, а?

– Ищем предателей, – отозвался трибун. – К примеру, хочу забрать вот этот хатрийский наряд. Откуда он у этой красотки? Не перед мужем же она в нем танцует?

– Бери... – огрызнулся Зосим. – Но только его.

– Надеюсь, Адриан подарит ей что-нибудь взамен... – хмыкнул трибун.

– Адриан будет в ярости... – предрек Зосим.

– Это почему же?... Может, его, напротив, все это позабавит...

– Поглядим... – Зосим кинулся вон из триклиния вслед за Береникой.

Приск взял пояс с золотой застежкой с богом в лучистой короне (так греки изображают порой Аполлона). Но только этот бог был не греческим. Теперь понятно, почему его хотели прикончить. Пожалуй, из людей Адриана только Приск смог бы опознать среди вещей изображение этого бога Хатры. И эти одежды как хатрийские. Немногим римлянам довелось побывать в этом городе. Но знать об этом мог тоже только один человек.

– Этот гость из Селевкии сказал по секрету господину, что много-много других таких знаков, только бронзовых, развозят хаммары нужным людям... – придвинулась к трибуну служанка. Страшно ей было – и брало сомнение – сумеет ли военный трибун и ее защитить. – И по этому знаку весь мир поднимется против римлян.

– Проводники караванов на ослах? – уточнил почти автоматически Приск.

– Именно так, чудесный господин...
Приск кинулся вон из триклиния.

* * *

– Я не ошибся? – уточнил Афраний. – Ты требуешь, чтобы я нашел твоего собственного раба?

– Именно так. Сабазий – он хаммар. Ион был со мной в Хатре. И однажды он сказал, что происходит из семьи хаммаров. И я подозреваю, что семья эта – не последняя в Хатре. Только он знал, что я непременно опознаю знак Пакора и хатрийское одеяние. Ион приказал здоровяку меня убить в термах. Он сразу понял, что мы идем по следу заговорщиков, и кинулся сюда – предупредить.

– Да с чего ты все это взял?

– Илкауд – так называли Сабазия в Хатре.

– Твой раб отдает приказы? – фыркнул Афраний. – В доме римского гражданина? Что за удивительные вещи ты рассказываешь, трибун?

– Почему бы ему не приказывать? Судя по привезенной одежде, его хотели вернуть в Хатру как нового правителя, а не как жалкого раба.

– Я почти тебе верю. Но только почти. Тут одна незадача. – Афраний сделал паузу. – Как он узнал, что Пакор передал Александру эти одежды и этот пояс с золотой застежкой?

– Значит... – Приск задумался. Предположение казалось почти невозможным. – Значит, он присутствовал при разговоре.

– Ну что ж... Логично. Изловить лазутчика! – приказал Афраний.

Фрументарии тут же кинулись искать Сабазия.

– Береника уехала, ты знаешь? – спросил Приск.

– Знаю, конечно. Адриан воображает себя Приапом²³. Я бы очень удивился, если бы он не положил глаз на самую красивую женщину Антиохии.

Но искали они напрасно – Сабазий будто сквозь землю провалился. Послали гонца на виллу к Филону. Гонец вернулся под утро с сообщением, что Сабазий туда не возвращался.

– Нам придется отправиться к Адриану. Немедленно, – решил Афраний.

– Береника обещала истребовать мою голову ей на блюде... – сообщил трибун.

– Надеюсь, она не настолько хороша в постели, – отозвался Афраний.

Когда они покинули виллу Александра, уже рассвело.

²³ *Приап* – бог мужской силы в римской мифологии.

Часть II

Дорога на восток и дорога на запад

Глава I

Адриан и Юлий Агриппа²⁴

В разрушенном дворце наместника за два месяца успели восстановить несколько комнат. В только что отделанном атриум пахло известкой, стоял сырой дух, несмотря на то что по углам горели четыре жаровни. Сиреневые дымки, причудливо извиваясь, утекали вверх – к синей прорези неба в прямоугольнике над имплювием²⁵.

Охрана наместника пропускала Афрания и его спутников беспрепятственно в любой час дня и ночи, но в атриум фрументария и его спутника встретил вездесущий Зосим.

– Наместник занят. Важный гость, – бросил всемогущий вольноотпущенник.

«А, мы знаем, что за гость у него ныне...» – мысленно ответил Приск.

– Уж не Траян ли? – спросил Афраний.

– Юлий Агриппа, – уточнил Зосим. – Наместник просил не беспокоить.

– А кто такой Юлий Агриппа? – поинтересовался Приск.

– Я слышал – один из самых богатых людей в Сирии, – сообщил Афраний. – Часть его поместий находится рядом с Апамеей...

– Апамея разрушена до основания... – вздохнул Зосим, как будто речь шла о его личном владении.

Постояв так недолго с видом самым печальным, он вдруг встрепенулся, скользнул к проему, что вел в таблиний, приоткрыл дверь и заглянул. Потом обернулся, махнул рукой.

Означало это: Адриан зовет.

Когда Приск и Афраний вошли, в таблинии никого не было, кроме самого Адриана.

– Ну и что за важное дело? – спросил наместник.

Вид у него был суровый, но усмешка в уголках рта говорила – расположение духа у него самое что ни на есть благодушное. Зная его вспыльчивость и склонность к переменам настроения, Приск бы постарался как можно короче доложить о находках в доме Александра (о которых Адриан и так уже знал по вчерашним запискам) и благоразумно ретироваться. Но он был не один, Афраний же – интриган куда более искушенный – решил, что стоит поставить наместника в известность.

Рассказ о событиях вчерашнего дня, вечера и ночи занял что-то около получаса. Афраний говорил обстоятельно, четко, без лишних подробностей. Единственное, что опустил, так это способ, которым сумел вытрясти из Александра подробности насчет Андрея. Адриан слушал молча. О том, что Приск перетряхнул вещи Береники, тоже не упомянули.

– То есть... Как я понял... а я вроде бы все понял... – проговорил наместник в задумчивости. – Вы двое умудрились упустить лазутчика парфян Амаста и еще одного лазутчика, предположительно из Хатры, который отирался возле военного трибуна несколько месяцев. То есть раба Сабазия. Так?

– Да, эти двое бежали, – согласился Афраний, – но нам удалось захватить нескольких помощников. Александра и его жену – прежде всего. Мы нашли склад с оружием, записки, условные знаки...

²⁴ Юлий Агриппа – один из самых богатых людей Сирии, на свои средства восстановивший полностью разрушенную Апамею.

²⁵ *Имплювий* – бассейн в центре атриума.

– Придурки! – рявкнул Адриан, не дослушав оправдания. – Все это чушь! Главное – от вас ускользнула парочка опасных лазутчиков! Весь Восток вот-вот восстанет против власти Рима, а вы двое рассказываете мне о своих достижениях...

– И о промахах, – уточнил Афраний.

– Вот-вот! О том, как вы сели в глубокую вонючую лужу...

– Не слишком глубокую. В Антиохии восстания точно не будет, – не побоялся возразить Афраний Декстр.

– Ну утешил!..

Наместник вдруг остыл – как раскаленные камни очага, на которые плеснули холодной воды.

– Так ты рассказал, что старикашка Пакор лично приезжал тайком в Антиохию... – спросил Адриан почти благосклонно.

– Нет, не в саму Антиохию. Похоже, его принимали на вилле за городом. В городе он не появлялся, хотя к старости многие становятся безрассудными. – И пусть хотя речь шла вроде бы о Пакоре, эти слова вполне можно было отнести и к Траяну.

– Мне это нравится... – вдруг сказал Адриан. – Эта дерзость, которая почти граничит с глупостью. Ты ведь можешь быть дерзким, трибун Приск?

– Я многое могу... – попытался уклониться от прямого ответа Приск.

– А можешь, допустим, отправиться тайком в Селевкию²⁶ и встретиться с Пакором?

– Вряд ли Пакор находится у нас в Селевкии...

– Ну... помнится, в Хатре у нас есть гостеприимец Дионисий... а у него имеется немало родни в Селевкии... – встрял в разговор Афраний.

– Да, помнится... – согласился Адриан. – Только не знаю, как встретит тебя родня Дионисия в Селевкии...

– Ну, если пообещать ему много золота... – Приск старался не смотреть на Адриана. Ему казалось, что это какая-то глупая игра, которая опять может закончиться криком, угрозами. А то – не исключал трибун – наместник может вскочить, схватив первое попавшееся под руку – трехногий бронзовый столик, например, с мраморной столешницей, – да обломать о спину двух незадачливых своих клиентов.

– Все зависит от тебя... – Адриан пока не торопился буйствовать.

– От меня? – Трибун удивился искренне.

– Разве ты не сказал только что, что готов отправиться в Селевкию?

– Я это говорил?

– Да, только что...

– Ну да. В порт на Оронте.

– А я говорил про Селевкию на Тигре!

Ничего такого Приск не обещал, даже не заикался. Но отрицать даже не пробовал. Подобные фокусы были вполне в духе Адриана. Приск не сомневался, что в случае чего Афраний тут же подтвердит, что трибун на опасную поездку согласился, – и даст в том клятву. С другой стороны – это лучше, чем сложить свою голову на блюде. Хотя он до конца не поверил в могущество этой красотки, но все равно опасаться стоило.

– Что я должен сделать? – выдохнул Приск.

– Неужели ты согласен ехать? – покачал головой Адриан. – Это же опаснейшее путешествие... Смертельное, можно сказать.

– Мне не привыкать.

²⁶ В романе упоминаются два города с названием Селевкия – Селевкия на Оронте – город-порт рядом с Антиохией, и Селевкия на Тигре – город-близнец столицы Парфии Ктесифона. Поэтому, когда Приск говорит «у нас в Селевкии» – он делает вид, что Адриан предлагает ему проехать всего ничего до портового города. Адриан же имеет в виду Селевкию на Тигре, рядом с парфянской столицей, – цель последней кампании Траяна.

- Я просто не верю, что ты согласен.
- Я могу отказаться? – с надеждой спросил Приск.
- Разумеется, нет.

«Вот гад...» – Приск не знал даже – злиться ему или рассмеяться.

- И что я должен сделать?

– Добиться, чтобы Пакор открыл римским войскам ворота Селевкии. Станет нашей Селевкия на Тигре – падет грозный Ктесифон. Ты наверняка слышал, что взять штурмом парфянскую крепость практически невозможно.

- И только-то! – фыркнул Приск. – Добыть Селевкию с Ктесифоном.

- А тебе подобное не под силу?

- Пожалуй что нет.

- А ты попробуй...

Это так в духе Адриана – дать невыполнимое задание клиентам, да еще изобразить удивление: а почему ты не можешь исполнить приказ? Слаб? Глуп? Боишься? Как жаль! У меня есть другие, способные куда на большее!

– И когда мне отправляться? – Приск втайне все еще надеялся, что весь разговор – нелепый розыгрыш. И Адриан вот-вот махнет рукой и откажется. Хотя... когда это властитель отказывался от безумного замысла ради здравого смысла? Или здравый смысл существует только у тех, кто получает безумные приказы?

Увы, надеждам не суждено было сбыться.

– Как можно скорее, – решил наместник. – Хотя... – Адриан на миг задумался. – Дело это тонкое, требует подготовки и обдумывания.

- То есть завтра я еще не еду? – усмехнулся Приск.

И на том, как говорится, спасибо.

– Я бы на месте трибуна спросил о финансировании поездки, – подсказал Афраний Декстр.

Адриан кивнул:

– Правильное замечание. Я выдам вексель к моему банкиру – получишь тысячу ауреев на экипировку. И еще тысячу – на дорожные расходы. Отчитываться за траты не надо, если выполнишь все как надо, – пошутил наместник.

Это было щедро.

- Я могу идти? – спросил Приск, забирая из рук наместника вексель.

- Идите оба.

И, уже когда Приск очутился у дверей, вслед донеслось:

- Чем ты так разозлил самую красивую женщину Антиохии?

- Я сказал, что моя жена прекраснее... – отозвался Приск.

Трибун слышал, закрывая дверь, как смеялся наместник.

* * *

– Ну и как тебе поручение? – спросил Афраний, когда они уже покинули таблиний Адриана.

Впрочем, говорить, стоя у дворца, было не особенно удобно: по расчищенной и восстановленной дороге вереницей тянулись повозки, везущие дерево, камень, известь для восстановления покоев. Правили им в основном легионеры. Пока армия не отправилась в поход, солдаты вкалывали как колodники на каменоломнях.

– А ты знаешь, я уже начинаю привыкать к заданиям почти невыполнимым, – рассмеялся Приск.

- Я бы тут не стал добавлять «почти», – уточнил Афраний.

– Ага... не буду. Но эти без «почти» невыполнимые распоряжения мне нравятся.

– И ты знаешь, как все исполнить?

– Понятия не имею...

– Поразительно, как Адриан радуется о победах дядюшки... – восхитился Афраний.

Приск не сомневался, что фрументарий фальшивит: оба они давно изучили патрона, и оба знали, что радуется сейчас Адриан не о победах Траяна, а о сохранении его армии. Которая скоро – и даже очень скоро – должна перейти под командование Адриана. Императора без легионов не бывает.

– Да. Поразительно, – буркнул в ответ Приск, всем своим видом давая понять, что обсуждать этот вопрос не станет.

– Что теперь?

– Учитывая, что я почти всю ночь не спал, меня чуть не утопили и меня мутит от усталости, я бы отправился на виллу к Филону и лег спать, – признался трибун.

– Днем?

– Мне без разницы. Но сначала неплохо бы перекусить – паштет, яйца и хорошее вино...

– Согласен. Паштет, яйца, хорошее вино и горячий хлеб... – Афраний глубоко вздохнул, тем самым показывая, что ничто человеческое ему не чуждо, как говорил один из героев Плавта.

Тем временем из дворца вышел Зосим.

– Сейчас Адриан отправится руководить установкой новых ворот на въезде в город. Хотите, чтобы он прихватил вас обоих с собой? – хмуро глядя на военных, спросил вольноотпущенник.

– О нет, – простонал Приск. – Я сдохну, если не посплю час-другой.

– Тогда исчезните оба, – посоветовал Зосим. – Вам, военным, и невдомек, сколько сил мне стоило успокоить эту сумасшедшую бабенку. Она готова была загрызть вас обоих за то, что вы перетряхнули ее тряпки.

– Зосим, мы перед тобою в долгу, – вполне серьезно сказал Афраний.

– Так не забудьте, если что, этот долг вернуть!

Отойдя шагов на десять, трибун и центурион переглянулись:

– Надо же какой грозный... – буркнул Афраний.

* * *

– А я приказываю: Антиохия, восстань из руин! Иона восстанет! Это так же точно, как то, что завтра опять взойдет солнце!

Услышав эту фразу, Адриан вздрогнул и обернулся. С высоты коня он видел среди толпы пяточок свободного пространства. Вертлявый смуглый паренек стоял в центре свободного пространства. Именно он и произнес последнюю фразу... голосом Траяна.

– Зосим! – окликнул Адриан вольноотпущенника и спрыгнул с коня – ему не хотелось, чтобы его заметили. Серый плащ, накинутый поверх туники и кожаной лорики, позволил ему слиться с толпой. – Разве этот парень не должен сидеть у нас в карцере?

– Видимо, он выбрался во время землетрясения... А те, кто его охранял, погибли... – отозвался Зосим, мгновенно очутившийся рядом.

– И ты позабыл о нем, – в голосе Адриана тут же послышались гневные нотки. – Забыл, какое место он занимает в моих планах.

– Доминус, я полагал: он погиб. Как многие другие.

– Как видишь, он жив. Ион устраивает *ненужные* представления... Пора исправить свою ошибку. Живо! – Грозный придушенный рык заставил отпущенника рвануть повод так, что конь сделал свечку.

Справившись наконец со скакуном, Зосим развернул коня и ускакал – за конной стражей наместника.

– ... Сейчас я все построю заново, наилучший принцип! – отвечал тем временем фигляр голосом Адриана. – Я подниму эту колонну сам без крана – так я силен! – Актер изобразил, как будто пыхтит от натуги, пытаюсь поднять нечто тяжеленное, и, разумеется, не может это сдвинуть с места.

Толпа хохотала.

«Адриан» бросил иллюзорную колонну:

– Завтра я ее непременно подниму...

Актер брезгливо отряхнул руки, и Адриан узнал свой собственный жест.

Толпа уже визжала от хохота.

– И не забудь на каждом доме написать, что это я его восстановил! – отвечал лицедей уже голосом и тоном Траяна. – На каждом храме, на термах и базиликах – всюду должно стоять мое имя.

– А я могу поставить рядом свое? – спросил лицедей сам себя, уже изображая Адриана.

– Так и быть... Я только выберу, где... – Лицедей изобразил задумчивость, пошевелил губами. – Нет, не можешь...

Новый взрыв хохота.

Зосим вернулся. Вместе с восьмеркой конной стражи. Очень вовремя – еще пара реплик – и наместник задушил бы этого человека – уж на это силы бы ему хватило.

Адриан протиснулся сквозь толпу и подошел к чревовещателю:

– Кажется, я запретил тебе устраивать подобные представления на улицах... – сказал он мягко.

– Эй, наместник! – без всякого почтения крикнул кто-то из толпы. – Ты что, собираешься его высечь? Или казнить? Он всего лишь смешил народ... Нам и так тут тошно. Четверть часа смеха мне помогут...

– В городе полно других – фокусников и танцоров... – перебил говорившего Адриан.

Но тот оказался не робкого десятка, протиснулся вперед и встал перед наместником.

Он сильно пострадал во время землетрясения – вместо правой руки у него была только что зажившая уродливая красная культя, на лбу и щеке – плохо зажившие шрамы. Один глаз поврежден – человек все время моргал, а глаз – слезился.

– Я был одним из самых красивых людей в этом городе... А сейчас я могу разве что просить милостыню – да и то – безуспешно. Калек теперь на улицах хватает. Почему ты не даешь нам немного посмеяться и забыть обо всем...

– Этот парень будет развлекать теперь меня... – заявил Адриан.

Один из конной стражи ухватил лицедея поперек пояса и усадил на коня позади своего товарища.

– Он будет жить во дворце! – крикнул Адриан в толпу.

– Тогда я напишу. Наместник Сирии убивает актеров...

– Я не собираюсь его казнить... – пообещал Адриан.

– Когда восстановят водопровод? – вдруг выкрикнул кто-то. – Когда можно будет наконец нормально помыться.

– Большие термы уже восстановили. Через три дня их откроют, – ответил Адриан. – Приходи мыться, мой дерзкий друг. Впервые нундины плату не будут брать вообще.

– Да здравствует наместник! – заорали сразу несколько голосов.

– Нам нужен этот фигляр! – не унимался калека.

– В базарный день²⁷ будут большие представления! – выкрикнул наместник, перекрывая ропот толпы. – И будут дополнительные раздачи.

– Будь здоров, Адриан! – В этот раз крикнули куда более дружно.

Похоже, зародыш недовольства придушен и исчез в сладких предвкушениях мытья в термах, развлечений и получения тессер на бесплатное масло, хлеб и – возможно – вино.

– Зосим, стереги этого парня лично, как зеницу ока, – потребовал Адриан, когда лишившаяся развлечений толпа осталась за поворотом. – И если в нужный момент его не окажется под рукой, я спущу с тебя шкуру. Лично. Ты запомнил?! – рявкнул Адриан. – Дважды ошибок я не прощаю. Сборище придурков, недоделков! Ни одну работу не могут сделать как надо!

Он утих так же внезапно, как и пришел в ярость.

– Но смотри, чтобы парень ни в чем не терпел нужды.

– Полагаешь, в нем скоро возникнет нужда? – осторожно спросил Зосим.

– Не сегодня и не завтра... Возможно, пройдет год. Или даже два.

– Это долго...

– Учись ждать. – Адриан помолчал и добавил: – Скорее всего, остался только год...

Глава II

Филон устраивает обед

Однако вряд ли Афрания и Приска в тот день ожидали постель и отдых. Едва они миновали ворота виллы, как Филон кинулся к ним навстречу.

– Гай, друг... мне надо с тобой поговорить...

Механик нелепо выпучил глаза. Любому, кто был хоть немного с ним знаком, тут же становилось ясно, что он хочет пошептать о какой-то важной тайне.

– Не сейчас, Филон, я смертельно устал... – Приск не хотел больше ни о чем говорить в присутствии Афрания. Каждая крупинка чужой тайны могла стать смертельным оружием в руках центуриона фрументариев. А тайны Филона – насколько известно трибуну – были весьма опасного свойства.

Впрочем, Афраний истолковал гримасы механика по-своему.

– Нашкодил, Филон? Небось открыл сундук?

– А? Какой сундук? – Похоже, за новыми тревогами хозяин позабыл о привезенных сокровищах.

– Денежный сундук из разрушенного дома этого жулика Александра, – подсказал Афраний.

– А, тот, огромный... Как же... привезли... Тяжеленный... шестеро с трудом сняли его с повозки. Теперь охраняют.

– И где он?

– Как где? В атриум – где и положено стоять денежному сундуку.

– Мне нужно, чтобы ты снял замок, но чтобы рядом никого постороннего не было – только ты, я, Приск. Справишься?

Филон самодовольно хмыкнул:

– Думаешь, на свете есть замок, который я не смогу открыть?

Афраний с Приском отправились в атриум. Филон не солгал – рядом с его собственным огромным сундуком, обитым бронзой, стоял еще один, раза в два больше, но изрядно грязный и помятый. Легионер Шестого Железного легиона стоял рядом с привезенным сундуком в карауле.

– Свободен! – распорядился Приск. – Можешь идти отдыхать.

²⁷ Обычно последний день римской недели (нундин).

Парень стукнул копьём об пол, ударил себя кулаком в грудь и удалился из атрия почти бегом так, что едва не сбил входящего в атрий хозяина дома.

– А куда он побежал? – спросил с подозрением Филон. – Небось опять есть...

Механик явился в атрий с деревянным ящиком. Проверил пергаментные языки с надписями, потом запустил руку внутрь и извлек бронзовый ключ.

– Хочешь сказать, что у тебя есть ключ от этого денежного сундука? – приподнял бровь Афраний.

– Ну конечно, раз я сам изготавливал замок, – с гордостью объявил Филон.

– И зачем же ты хранишь дубликаты?

– Если хозяин по рассеянности потеряет свой. – Филон понял, что сболтнул лишнее и отмахнулся. – Да мало ли зачем... На всякий случай храню.

– Может, у тебя есть копии ключей и от сундуков наместника? – спросил Афраний вкрадчиво.

Филон надулся. Но он напрасно выпячивал губу и хмурил брови – и Афранию, и Приску и так стало ясно, что дубликаты на сундуки Адриана существуют. Ох и допрыгается когда-нибудь Филон, получит сполна за свои фокусы.

Механик осмотрел ключ, примерился... Попробовал один – не подошел. Второй... Третий открыл замок... Филон демонстративно медленно поднял крышку. Сверху содержимое сундука покрывал кусок старой кожи.

– Странно выглядит... – пробормотал Приск.

– Чем странно? – не понял Афраний.

– Такое впечатление, что сундук прежде стоял не на днище, а на крышке.

Приск приподнял кожу. Моргнул... Отбросил кожу и резко до конца откинул крышку. Внутри не было ни денег, ни драгоценностей, ни важных бумаг – в сундуке лежали камни. Здоровые обломки и мелкие обломки, припорошенные известковой пылью, – их явно натолкали сюда после землетрясения.

– Чтоб у пройдохи Гермеса крылатые сандалии украли... – изумленно ахнул Филон. – А я-то думал, чего это он такой тяжеленный...

– Лысая задница... – шепнул Афраний.

Приск же просто потрясенно молчал. Кто теперь помешает Ликорме обвинить военного трибуна в краже золота? Ведь это его люди раскопали сундук, пока Приск гонялся за Амастом. То есть легионеры оставались в доме без присмотра и могли сотворить все что угодно.

– И сколько ты всего изготовил ключей? – спросил зачем-то Приск, как будто это могло прояснить ситуацию...

Хотя в какой-то степени могло. Замок не был взломан – значит, тот, кто набил содержимое хозяйского казнохранилища камнями, пользовался именно ключом.

– Кроме моего – существует еще две штуки.

– Один, понятно, хозяйский, а вот кому достался второй? – пробормотал Приск.

– Как – кому? – недоуменно переспросил механик. – Второй ключ был у красавицы Береники, то есть у хозяйки.

– Ну уж она точно не могла вытащить золото и заменить его камнями, – покачал головой Приск.

– Позвать сюда всех, кто охранял сундук! – загрохотал Афраний и, сообразив, что отдавать приказы некому, – сам ринулся вон из атрия.

Как только он скрылся, Филон с облегчением выдохнул. Кажется, камни в сундуке его не слишком поразили...

– Ну наконец-то мы одни! У меня гости... – Вообще-то механик обожал гостей и долгие трапезы за полночь, переходящие в не менее долгие возлияния. Но в этот раз в голосе его не слышалось радости.

– Гости? У тебя же каждый день в доме гости... мы с Афранием тоже гости, – напомнил Приск.

– Это особые, – Филон натужно прочистил горло. – Совсем особые... – Он понизил голос до шепота: – Из Хатры.

– И чего же хотят твои особые гости?

– Они... все не так просто. Приехали заказать... ну ты понимаешь? – Филон глянул умоляюще. Видимо, предполагал, что все с утра до вечера ломают голову над его проблемами. Впрочем, Приск догадался, с какой целью явились гости из Хатры.

Но отрицательно покачал головой и сказал:

– Не понимаю.

– Новые машины для своего города, – обреченно выдохнул Филон.

– Вот как? – Приск сделал значительную паузу. – И почему-то я не удивлен. Совсем. Ну и много они хотят машин?

– М-много... – С каждой фразой Филон все больше бледнел, в итоге лицо его сделалось грязно-серым, как тающий снег весной где-нибудь на дорогах Мезии.

– Ты отказал?

Филон замотал головой.

– Согласился?

– Я не знаю, что делать. Ты говорил, что не стоило изготавливать машины... для них. Еще накануне войны. А сейчас... когда император вот-вот отправится окончательно покорять Парфию...

– Сейчас хатрийцы вроде как наши союзники, – напомнил Приск. Хотя сам в последнее не верил ни на палец.

– Еще те союзники! – выдохнул Филон.

– Заломи с них цену побольше.

– Так что? Соглашаться?

Приск задумался. Правда, соображал он этим утром неважнецки: голова гудела как медный котел. По которому лупили палкой. Причем изнутри.

Гости из Хатры... Гости из Хатры... мысль вертелась и ускользала. Было какое-то блестящее тонкое, тончайшее решение... Ах, если бы при этом так смертельно не хотелось спать! Филон смотрел на трибуна умоляюще. Нет, ну почему все хотят от Приска каких-то волшебных решений... Соединений несоединимого, решения нерешаемого... кубатура круга... Кажется, была такая задача... Но никто ее не решил. Никто.

– Обед скоро? – спросил Приск.

– Как обычно – часу в десятом²⁸...

– Ну... а почему бы тебе не пригласить на обед Адриана?

– Наместника? – зачем-то спросил Филон. – Но мои гости из Хатры...

– А где твои гости сейчас?

– В... термах... Их там трое – два богача вместе со своим телохранителем. А свита их разместились в комнатах для прислуги.

– Надеюсь, они выйдут из бани не скоро. Давай-ка я напишу Адриану и сообщу, что ты зовешь его на обед.

– Пригласить Адриана? – Лицо Филона перекошило. – Зачем?...

– Адриан – наместник провинции Сирия – или ты запамятовал? Нет? Тогда, полагаю, наместнику следует знать о приезде наших союзников.

– Что ты задумал? – Филон, кажется, чуть не плакал. – Ты предаешь меня? За что?

²⁸ Время римское. Отсчет дневных часов велся от рассвета.

– Дружище, я радею о твоей пользе. И не бойся – все получится наилучшим образом... Как я говорил уже не раз – любовая атака порой – наилучший способ решения всех проблем. Вопрос только, кого бросать на прорыв... А главное – кто руководит этим прорывом.

– И кто же руководит? – промямлил Филон.

– Я, разумеется. Итак, пишу приглашение от твоего имени, а ты пошли какого-нибудь толкового быстроногого парня к Адриану – он сейчас как раз наблюдает за установкой новых ворот на въезде в город – и будет там до заката. Приказано всех посланцев отправлять туда. Надеюсь, блюда за столом окажутся не просто изысканными, а самыми наиярчайшими... И приготовь любимое блюда Адриана – тетрафармакон. Надеюсь, у тебя найдется фазанье мясо, свиное вымя и ветчина, чтобы запечь в тесте? Итак, я напишу письмо и отправлю, загляну в термы, а потом вздремну пару часов, пусть меня разбудят перед обедом, – изложил план действий Приск и, прежде чем Филон сообразил, что это значит, скорым шагом направился к себе в комнату.

Трибун писал споро. Но это было не просто приглашение, а подробное изложение грядущего плана. Если Адриан хочет, чтобы трибун исполнил его поручение и сделал так, чтобы ворота Селевкии на Тигре открылись перед императором, он должен будет Приску в этом опасном деле помочь. Хочет новый император армию? Так пусть поможет ее спасти.

Едва трибун закончил и запечатал таблички, как в комнату ворвался Афраний Декстр.

– Я знаю, кто стырил золото! – объявил он торжествующе.

– Ну и кто?

– Твой центурион, – Афраний если уж кого обвинял, то без тени сомнения.

– Фалькон? Он же был со мной.

– Ну да, был... Но это он придумал, как вскрыть сундук. Пока ты занимался Амастом, его опцион и легионеры обчистили Александра. А центурион вроде как ни при чем. Но свою долю получит – таков уговор. Ворюга Фалькон. Я так и знал!

– Да ну...

– Мне все рассказали легионеры.

– И как же они открыли замок? У Фалькона тоже был дубликат ключа? – Не то чтобы трибун был высокого мнения о честности Фалькона, но защищать своих людей до последнего – было его правилом.

– Вот в этом и весь фокус. Замок никто не открывал! – торжествующе объявил Афраний Декстр. – Просто-напросто сундук выломали из пола, золото вытряхнули в амфору, а потом сундук перевернули и набили камнями. Помнишь, ты сказал: мне кажется, что сундук стоял не на дне, а на крышке?

– Ну...

– Так вот, твои ребята перевернули сундук, оторвали дно, набили его камнями, а затем приспособили дно обратно.

– Умно!

– Куда уж умнее...

– И что ты намерен делать? – Трибуну не особенно нравилась вся эта история. Его людей могли обвинить в мародерстве. А уж привлекать по делу о краже Фалькона не хотелось вдвойне.

– Немедленно вернуть золото.

«А ведь парням достанется», – отметил про себя Приск.

– Как именно? Ты хочешь объявить моих людей мародерами? Мне это совсем не нравится. Совсем, – повторил Приск с нажимом.

– Боишься, что бросит тень на тебя?

– А разве нет? И – возможно – на тебя. Ведь это ты приказал не отдавать сундук Ликорме, а доставить сюда, к Филону. Что ответишь на это?

Ага! Афраний понял, как его приказ может выглядеть со стороны, и задумался.

– Кажется, твой приятель Тиресий... его посещают пророческие сны. Например, в своих снах он увидел Адриана императором... – понизил напор Афраний. – Почему бы теперь ему не увидеть во сне спрятанное в развалинах золото и не передать известие о тайнике Адриану.

– Это было бы просто... замечательно... – выдохнул Приск. – За такое... наверняка положена награда.

– О да, – улыбнулся уголком рта Афраний. – Несомненно.

В его светлых льдистых глазах прыгали сумасшедшие искорки.

«Интересно, какую же награду потребует этот сумасшедший за „пророчество Тиресия“? Нет, не с Адриана – а с центуриона Фалькона...» – подумал Приск.

Ему показалось – тут и прорицателем быть не нужно, – что цена будет велика. Потому что Афранию всегда и за все платят по максимуму.

– Послушай... – Приск решил, что сейчас лучше перевести разговор на другую тему. Пусть все сказанное отстоится в голове Афрания. Характер у фрументария очень странный – яростная вспыльчивость вкупе с обычной холодностью – тут никогда не знаешь, как все обернется. – Я забыл тебе передать в этой суете... Когда я захватил этого Пана, раба Амаста, то отнял у него вот это.

Приск протянул Афранию флакончик из оникса с изящной геммой на одной из граней. Изображен был какой-то цветок. Возможно – аконит.

– Я лично думаю, что это яд... Но спросить не у кого – Пана убили члены его же фамилии²⁹.

– И зачем ты мне его отдаешь? Я должен кого-то отравить? – усмехнулся центурион.

– Тогда давай выбросим...

– Э, нет.

Афраний открыл флакон, понюхал.

– Это точно яд, – заявил решительно. – И яд какой-то особенный.

* * *

Гости из Хатры нежились в бассейне с горячей водой. Телохранитель тоже залез в воду и яростно разминал плечи своего господина, дородного грека с черной кудрявой бородой. Тот блаженно постанывал и закатывал глаза от удовольствия.

Приск, скинувший в раздевальне одежду, теперь держал в руках надушенные льняные простыни.

– Дионисий! – радостно воскликнул Приск.

Впрочем, радость его была фальшивая, да он и не пытался этого скрыть.

Гость из Хатры, сидевший в бассейне, приоткрыл глаза и улыбнулся в ответ сладко и не менее фальшиво.

– Бесстрашный трибун Гай Осторий Приск! Боги хранят тебя! – Грек тут же начал трещать без умолку, выяснял, как ведут себя старые раны, и, кивая на здоровяка, что мял, будто сырую глину, его тело, стал советовать немедленно отдаться в руки искусного массажиста. Глаза Дионисия при этом подозрительно щурились, и сам он – будто ненароком – переглядывался со своим спутником, жилистым темнокожим арабом. Черные волосы араба, даже влажные, напоминали шапку. Следы давних плохо заживших язв делали его сухое костистое лицо на редкость уродливым. Однако глаза были умные, а взгляд – пронзительный. Звали араба – если верить Дионисию – Бораком из рода Шамшбораков.

– Благодарю, но раны меня вовсе не беспокоят, – заверил Приск.

²⁹ *Фамилия* в Древнем Риме – это все проживающие с хозяином в доме: и свободные, и рабы.

– А как поживает наилучший принцепс Траян? – спросил Дионисий, решив, что уже достаточно польстил военному трибуну.

– Отлично.

– Я слышал, во время землетрясения его вынес на плечах какой-то гигант.

– Ему помог выбраться наместник Сирии Адриан, – отозвался Приск, также слышавший всевозможные истории чудесного спасения Траяна. – А как поживает Аршакид Эдерат? – поинтересовался в свою очередь Приск. – Мне стоило больших трудов уверить наилучшего принцепса, что Эдерат, напав на его посла, то есть на меня, действовал по своей воле, а не с согласия правителя Хатры, ибо это могло привести к тяжелейшим последствиям для этого города.

– О мой добрейший Приск! – заверещал Дионисий. – Это ужасное, ужаснейшее недоразумение... Яне ведал, что Эдерат напал на тебя, уважаемого посла. Я узнал об этом только от тебя, только что... Клянусь короной бога Шамша.

«Надо же, какой дерзкий врун...» – отметил про себя Приск.

– Я полагаю, ты, мой друг, привез доказательства того, что нападение на меня, римского посла, подарившего Хатре бюст нашего императора как залог дружеских отношений, не имеет никакого отношения к правителям Хатры? – спросил трибун грозно.

– О да, разумеется... – Дионисий завертелся в бассейне, будто из труб в воду полился чистый кипяток. – Уверяю тебя, я привез столь весомые подтверждения, что у тебя не останется никаких сомнений на этот счет... И у наместника Сирии никаких сомнений не останется.

– А у императора?

– У императора – тем более!

Приск продолжал смотреть мрачно, но про себя ухмыльнулся: надо полагать, хитрый грек доставил из Хатры увесистый сундучок с золотом для наилучшего принцепса и плотно набитый кошелек – для пострадавшего посла, дабы убедить, что происшествие было всего лишь нелепой случайностью.

Пока Дионисий вертелся ужом, Борак нежился в бассейне с теплой водой. И не произнес ни слова.

О том, кто он такой, и зачем прибыл в Антиохию, Дионисий не обмолвился ни словом.

* * *

Адриан вошел в триклиний, когда уже все гости заняли свои места за столом. Консульское, самое почетное место за столом было приготовлено именно для него, и наместник немедленно возлег на ложе.

Мальчик лет двенадцати, смазливый, румяный, поднес наместнику венок из виноградных листьев.

– О, боги, Филон, такое впечатление, что все несчастья, постигшие Антиохию, миновали твою виллу, – заметил Адриан, осушая поднесенный ему виночерпием бокал с мультсом³⁰.

И хотя после декабрьского землетрясения он бывал у Филона не раз и не два, всякий раз считал нужным выказать свое изумление по поводу роскошной жизни механика.

– Боги были милостивы ко мне, – скромно потупился Филон. Сам хозяин только пил – и пока не притронулся к закускам – кусок не шел в горло, ибо – как подозревал Филон – обед этот мог оказаться последним в его жизни.

– Да, боги не только милостивы, но и причудливы в своих милостях, – заметил Адриан. – Ты, верно, слышал, что богач Юлий Агриппа не только уцелел, но и сохранил большинство

³⁰ *Мультс* – смесь вина с медом и водой, аперитив, подавался до приема пищи.

своих сокровищ. Сегодня я виделся с ним, и Агриппа заверил, что готов из своих средств восстановить полностью разрушенную Апамею.

«А я полагаю, что если ты и виделся с ним, то никак не сегодня...» – мысленно усмехнулся Приск.

– Какая щедрость! И какое несчастье! – встрял в разговор Дионисий. – Я слышал, что в городе не осталось ни одного не пострадавшего здания, ни одной целой колонны.

– Агриппа уже начал расчистку развалин, – Адриан оставил замечание Дионисия без внимания. – Ему нужен архитектор, чтобы спроектировать новую кардо с роскошной колоннадой. Что ты думаешь об этом, хитроумный Филон?

– Я? – Механик огляделся. – У меня есть одна задумка... Но это если строить улицу заново. Целиком.

– Именно так. Целиком. Я же сказал: в Апамее ничего не осталось целого. Все разбито. Пока вывозят обломки, но часть будущей кардо уже свободна.

Приск улыбнулся, будто наяву представив, как начинает расти грандиозная ни с чем не сравнимая кардо Апамеи. Как символ вечного непобедимого Рима, непобедимого не только на полях брани, но и гневом матери Геи, могучего Юпитера и гневного Нептуна, непобедимого в мраморе и граните своих городов, в мощеных улицах, длина которых измерялась милями, а ширина – в сотню футов и более, непобедимого в бесконечных шеренгах легионов и в идеально ровных шеренгах крытых колоннад, в точных бросках пилумов и в точеных листьях аканта в капителях колонн. Римляне покоряли природу так же, как покоряли народы, – с яростным упорством, веруя, что за поражением всегда последует победа, лишь бы хватило сильных рук, способных держать кирки и лопаты так же твердо, как пилумы и мечи.

– Так я могу ответить Юлию Агриппе, что ты согласен, боголюбимый Филон? – спросил Адриан.

– О да...

– Или наши гости хотят заказать тебе тоже что-нибудь построить? – с самым невинным видом осведомился Адриан и только теперь глянул на Дионисия.

Пока Филон беззвучно открывал рот и издавал нечленораздельные звуки, а Дионисий с Бораком многозначительно переглядывались, Приск счел свои долгом ответить наместнику:

– Дионисий из Хатры и Борак из рода Шамшбораков приехали заказать нашему другу Филону новые машины.

– Игрушечные театры? – предположил Адриан. – Такой замечательный театр понравился моей жене Сабине. Думаю, в Хатре подобный театр тоже понравится и станет украшением дворца или храма.

– Не совсем... – Дионисий откашлялся. – Речь идет о машинах, извергающих хатрийский огонь.

– Мне рассказывали про хатрийский огонь, – Адриан, казалось, нисколько не удивился подобному ответу, а наоборот, оживился. – Кажется, это смесь нефти и серы? И снаряд загорается, едва вылетев из машины.

– Именно так, сиятельный... – позволил себе подать голос Филон.

– Так зачем же нужны те машины? – В этот раз Адриан адресовал вопрос Дионисию.

– Сиятельный! Хатра стоит посреди пустыни, и пустыня прибывает к стенам нашего города народы, живущие в палатках, волна за волной. Год от года кочевники пытаются завладеть нашим священным городом, и, если бы не прочные стены и не машины, что швыряют огненные ядра в нападающих, давно было бы разорено святилище бога Шамша, и разрушены дома, и фонтаны на городских улицах сделались бы горьки от соли, и вода в колодцах ушла бы в песок.

– Но я слышал, что город и так практически неприступен, – сказал Адриан.

– Сиятельный... Маленькая армия в самом деле не сможет взять Священную Хатру. Но если народы, живущие в палатках, хлынут лавиной, Хатра не устоит и будет разрушена. Посему мы умоляем тебя позволить твоему воистину боголюбимому механику Филону изготовить для стен нашего города новые машины.

За столом воцарилось молчание. Ведал ли Дионисий сам, что сказал только что, – если Филон построит для Хатры новые машины, то даже самая огромная армия не сможет взять эту твердыню. Хатра – город, стоящий на перекрестке караванных путей и одновременно святылище Шамша, деньги торговцев и паломников год от года доставляют в нее все новые и новые богатства. Хатрийские сокровища – в самом деле соблазн для бродяг пустыни, что приходят время от времени к воротам города в жажде добычи. Но не о них в этот миг подумал Приск – да и Адриан наверняка тоже. Об армии Траяна, самой могучей армии в мире, которая не сможет взять город, если на крепостных стенах установят новые машины.

– Я слышал, в Эдессе Траян вернул колчаны, полные стрел, царю. Так милостиво наилучший принцепс обходится со своими союзниками. Хатра же готова стать союзником Рима... – юлил Дионисий. – Мы просим машины, которые пригодны лишь для обороны.

– Ты не посол... – перебил Адриан лъстивого грека.

– Посол – Борак из рода Шамшбороков, он привез великолепные дары Траяну и заверения в дружбе правителя Хатры. А я всего лишь хочу купить несколько машин для защиты наших стен. Такое простое и совсем безобидное желание.

– И как быстро будут изготовлены эти машины? – повернулся Адриан к Филону.

– Полагаю, что за два месяца фабры смогут управиться.

Адриан на миг прикрыл глаза и задумался. О чем он размышлял в этот момент? Приск как военный трибун Шестого легиона присутствовал на последнем заседании военного совета, что происходил на гипподроме – после землетрясения это было наилучшее место для подобных сборов. Траян объявил о своем плане предстоящей военной кампании: две армии пойдут вдоль двух рек – Евфрата и Тигра. Из окрестностей Нисибиса на Тигр доставят сборные корабли – из них соберут понтоны для форсирования реки. Флотилия из пятидесяти кораблей поплывет вниз по Евфрату, а далее ее переправят на Тигр, выкопав в самом узком месте между двумя великими реками канал. Получалось – что Хатру римская армия, направляясь к Ктесифону, обойдет стороной. А когда столица Парфии падет, остальные города сами откроют перед римлянами ворота. Так что в желании Дионисия в самом деле не было ничего опасного для Рима... во всяком случае на первый взгляд. Но вот Адриан... Похоже, он видит какой-то иной вариант развития событий. Видит – но молчит.

Приск весь напрягся. Сейчас все зависело от Адриана. Он может отказать, может согласиться.

– Ну что ж, Дионисий из Хатры, я понимаю твое желание и желание хатрийцев обезопасить свой город, – милостиво кивнул Адриан, – так что Филон изготовит для твоего города машины. – Он умел быть любезен. Так любезен, что буквально очаровывал людей совершенно незнакомых. Вот только он умел еще быть переменчивым, подозрительным и жестоким.

– Кстати, а сколько машин? – спросил механик против воли дрогнувшим голосом.

– Три... тридцать... – сказал Дионисий.

«Наверняка соврал, – подумал Прииск, – я бы увеличил это число как минимум вдвое».

– За каждую машину ты заплатишь в казну половину ее стоимости – ибо, делая для тебя машины, фабры в эти дни не будут восстанавливать несчастную Антиохию. Посему я такое требование считаю справедливым, – объявил Адриан.

– О да, наместник! – охотно согласился Дионисий, видимо не рассчитывавший на подобный успех.

– И не забудь, Филон, что тебя ждет Юлий Агриппа в Апамее, – заметил Адриан.

– Я не задержусь... Чертежи машины... – Филон запнулся – он едва не ляпнул: готовы. – Изготовить нетрудно... А... а... Аза постройкой машин будет следить мой помощник.

– Отлично. Но времени тебе и твоим фабрам даю не два месяца, а только месяц. Ты все понял, умнейший мой Филон?

Еще бы не понять! Ему казалось, что он был погребен заживо в гранитном вместилище, и вдруг милостивая рука подняла крышку саркофага.

Филон перевел дыхание так, будто до той поры не дышал вечность.

* * *

В поздний час, когда возлияния после обеда закончились, Адриан отбыл назад в Антиохию, а гости разошлись по своим комнатам, Филон заглянул в покои Приска.

– О, боги, боги... ты чуть не погубил меня, Гай! Да чтоб тебе заболеть! – воскликнул Филон в сердцах. – Я был буквально между Сциллой и Харибдой! А если бы речь зашла о прежних машинах?

– О прежних машинах никто не собирался говорить – ни ты, ни Дионисий, ни тем более Адриан, – отозвался Приск. – И – уверяю тебя – ты ничем не рисковал в нынешней ситуации. Откажи Адриан – вряд ли хатрийцы стали бы доносить на тебя. А раз согласился – тем более не в их интересах распространяться, что ты уже снабжал их город машинами.

– И что Адриан, в самом деле позволяет мне изготовить для них машины?

– Именно так. Разве ты не слышал?

– А потом?

– Потом их отправят в Хатру.

– О, боги! Боги! Они будут кидать хатрийский огонь в римлян!..

– Ну это еще неизвестно...

– А ты знаешь, что хатрийский огонь нельзя погасить водой, потому что в его состав входит нефть? От воды он разгорается пуще прежнего. Если хочешь погасить хатрийский огонь, надо засыпать его землей. Или песком. Песком даже лучше.

– Спасибо, что предупредил. Завтра мы обсудим чертежи машин. Запомни... А теперь я хочу спать. Морфей буквально склеивает мне веки.

Приск рухнул на кровать и тут же заснул.

Проснулся он уж много после того как рассвело. И проснулся не один. Рядом кто-то посапывал, доверительно обхватив его шею тонкой рукой.

– Кориолла! – Ему на миг показалось, что дорогая жена вновь рядом и...

Потом он понял – нет, не она. И пахло от женщины иначе (розового масла явно не жалели, натирая тело), и дышала она как-то по-другому.

– Кто здесь? – Приск приподнялся.

– Это я, Флавия... – отозвалась женщина.

– Я скоро уезжаю... – сказал он, все еще в полудреме и почему-то не удивляясь тому, что женщина оказалась в его кровати.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.